

The background of the book cover features a vertical bamboo stalk on the left and a stack of three smooth, grey, porous stones on the right. The scene is set against a soft, out-of-focus green background, with the bottom portion showing a reflection of the elements on a calm water surface.

Беляев И. А.

ЮНОСТЬ  
*(автобиография... почти)*

**Илья Андреевич Беляев**  
**Юность. Автобиография...**  
**почти. Книга третья.**  
**Цикл «Додекаэдр.**  
**Серебряный аддон»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68899635](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68899635)*  
*SelfPub; 2023*

**Аннотация**

Когда читаешь произведения сорокалетнего, который описывает происходившие с ним действия в юности лет так двадцать назад – это всегда скучно и неинтересно. Совсем другое дело, когда этот текст читается в связи со странными обстоятельствами случившимися с подопечным клинической психиатрической больницы. Можно ли по написанному произведению выяснить мотивы, побудившие больного совершить все те действия, которые произошли? Заведующий больницы пытается прочесть и осмыслить все то, что происходило с его пациентом в юности...

**Илья Беляев**

**Юность. Автобиография...**

**почти. Книга третья.**

**Цикл «Додекаэдр.  
Серебряный аддон»**

*«... я много думал о той ситуации, которая сложилась вокруг меня и все же не смог удержаться перед этим будоражающим чувством появления на сцене в свете софитов или хотя бы под восторг детских голосов...»*

*Судьба предоставила мне второй шанс, и я не хотел от него отказываться, как ни убеждал себя в обратном. Кто не ощутил на себе весь трепет сердца и его биение, находясь за минуту до выхода на сцену из-за кулис – не поймет меня и того, что происходило, когда я не имел возможности увидеть зрительный зал, лица людей, пришедших на выступление, их улыбки, ликование и гром аплодисментов...»*

**Десять дней с «Мечтой»**

До сих пор не могу поверить, что я добровольно, так скажем, вломился в цирковой коллектив, закрыв при этом за со-

бой входную дверь, и второй раз уйти отсюда мне уже вряд ли удастся. По крайней мере пока. Поживем-увидим. Время летит быстро и незаметно, и еще неизвестно, что случится завтра, послезавтра, дней через десять! Все зависит от нас. Мы делаем день светлее и ярче! Мы «зажигаем» улыбки у всех на лицах! Мы придаем этому серому миру пусть небольшой, но все же оттенок красочной палитры! Радость, веселье, смех...

Мы рады Вам, зрители!

## **День первый**

Как говорил наш учитель по литературе, май – хороший месяц для любви! Видимо, он имел в виду какой-то другой май, может быть даже из песни «Аqua»: «Май, о май...»

Так вот, пятый месяц года выдался на редкость холодным и дождливым, и, хотя на дворе стояло двадцать первое число, о солнце мы могли только лишь мечтать, и то не у всех получилось даже это. Был вторник, а как вы знаете, по вторникам у меня, да и не только у меня, занятия в цирковом коллективе «Мечта». Вот и сегодня мне предстояло проделать знакомый маршрут от дома до шатра мимо не менее знакомого дома Колошиных. Помнится, когда-то сгоряча я купил ей какое-то лекарство «Упса»... хотя, вероятнее всего, «Упса» был американский или, в крайнем случае, английский, что в сущности одно и то же. А вообще, что мне там делать? Тараканы, блохи и клопы остались далеко в прошлом, и в на-

стоящем времени никто из них уже не появится. Да хотя бы и появился – в цирке есть борец за добро и справедливость! Он всегда несет боевое дежурство, даже когда... спит у себя в гримерной. Подумаешь, прикрыл глаза на пару часиков и что из этого? Шатер упадет или ножки моего стула подпилят? Не всех же шалунов вроде Иннокентия убрали. А что он? Да пусть остается! С этим мальчишкой даже веселей как-то. Сидишь, никого не трогаешь и тут бах-таратах! На голове кастрюля. Поэтому можно даже определить его настроение: если кастрюля пустая – настроение хуже некуда, а если уж полная... о-о-о, мало вам не покажется!

Сходив в надоедливое училище, в котором мы занимаемся неизвестно чем, но только не полезным делом, я вернулся домой чуть раньше двух и... Да, дорогие мои, Вы совершенно правы. Дома опять никого! Пятнадцатого мая, сразу после удачного визита в гости в ночь с девятого по четырнадцатого, мои старики смылись в деревню за сто километров от города. По их словам, будут наслаждаться природой, затишьем, уединением... Чтoб их дятел там всю ночь пугал! Как меня взять, так кукиш, а как сами – так святое дело!

Но я не плачу и не рыдаю...

А друзей всех потихоньку собираю  
...переделал я известную песню.

Что ни говори, а жизнь прекрасна, когда остаешься один дома!

В три прибежал запыхавшийся «Макар» и крикнул с по-

рога:

– У тебя все дома?

Я пожал плечами.

– С утра все были, а как после репетиции дела пойдут – не знаю.

– Вот блин, а мы только хотели попробовать в действии самогонный аппарат «Гондурас» отечественного производства. Говорят – высший класс!

– А кто говорит?

– Как кто? Тот, кто его производит.

– Очень интересно. А у вас случайно нет стиральной машины фирмы «Дыроделовка» или пылесоса фирмы «Отдиралово»?

– Да вроде нет, но поинтересоваться могу. А что, хочешь приобрести?

– Ну ты че, совсем с дуба рухнул? Зачем мне вся эта гадость, если есть стиральные машины от фирмы «Вошь» и пылесосы от «Паносс-соник»?

– А что это за фирмак такой? Никогда не слышал!

Я махнул рукой.

– А-а, гиблое место. Они все там «Паносс-соник», хоть врачей, в самом деле, вызывай.

– Какие врачи?

Мне чудом удалось не рассмеяться.

– Так зачем ты все-таки приходил?

– Да день рождения не знаем где отметить.

– Это у Мишки?

– Ну да, одиннадцатого был, а он только вчера деньги получил. Вот и не смог отметить, когда родителей не было. Теперь труба, заметят – пятки начешут!

Вздохнув, я все же пригласил Сашу зайти в квартиру.

– Трудно живется людям! Не то что мне. Здесь практически никогда никого не бывает, хоть ты разнеси все на камни, и то раньше намеченного срока не вернутся.

– Так, значит, у тебя никого?

– Как видишь.

– Что ж ты сразу не сказал? Пойду братву звать!

– Э-э-э, стоп! – поднял я руку, призывая к вниманию. – Мне через два часа в цирк уходить нужно, а ты со своими гондурасами носишься.

– Постой, ты же вроде ушел оттуда. Неужели опять заблудился и двери перепутал?

– Ну-у, мягко скажем, что-то вроде этого.

– И когда только, спрашивается, успел? Вроде был до этого нормальным челом, а теперь на цирке помешался. Ты случайно во сне фокусы не показываешь?

– Пока до этого, к счастью, не дошло.

– Дойдет!

– Спасибо, утешил! Настоящий друг!

– А то нет?

Мы с ним до пяти часов проболтали обо всех мелочах жизни, не забыв и более крупные происшествия. В конце

концов сошлись на том, что, как только я приду с тренировки, сразу позвоню Сане, а уж там будет видно, что делать дальше – сидеть дома одному или в веселой компании друзей. Убежал «Макар» так же быстро, как и прибежал. *«Видимо, его зовут серьезные дела»*. Что ж, пусть решает их сам, у меня своих выше крыши. Одно, к примеру, заключалось в том, как бы мне влезть к жонглерам, которых к этому моменту развелось, хоть пруд пруди! Вы что же думаете, я все эти пять месяцев сидел без дела? Вовсе нет! Мне вдруг страшно захотелось научиться жонглировать, и уже через неделю я прекрасно кидал три батарейки, специально купленные для этого дела. Вскоре мне посчастливилось научиться кидать ножи и другие предметы столового обихода (ложки, вилки, чашки...). Теперь оставалась последняя и самая главная задача – показать свое мастерство Любови Васильевне. Не скажу, что меня сильно удивил тот факт, когда потребовалась всего неделя для того, чтобы овладеть жанром жонглирования. Как Вы помните, однажды в Вязьме мне уже приходилось кидать мячи с сидящей на плечах Конарейкиной, так что еще чуть-чуть тренировки и все пошло просто блестяще. Совсем другое дело – обкидать других жонглеров, превзойти их в мастерстве и исполнении.

Выйти из дома мне удалось только в двадцать минут шестого, на приготовление еды, знаете ли, слишком много времени потратил. Пока одно сделаешь, пока другое – сущий кошмар! Меня огорчило то обстоятельство, что я не встре-

тил ни Веронику, ни ее брата. По опыту я знал, что Вероника – одна-единственная из коллектива, кто приходил раньше всех остальных, иногда даже раньше руководителей. Это была самая ответственная девочка, хотя простуда или другие заболевания к ней так и липли. Ну, скажите Вы мне, она что, медом намазана, раз ее так любят все эти вирусы гриппа и простуды.

Болезнь или не болеть? Вот в чем вопрос...

Как вспомню тот день, когда мы стояли около этого подъезда, кажется, будто и не проходило полгода, и не сменяла зиму весна, и все оставалось на своих местах. Но время неумолимо двигалось, и никто не в силах его остановить.

Пройдя мимо дома, я направился к остановке. Как назло, с января сняли самый мой любимый трамвай, который по стечению случайных обстоятельств, пропускал пару остановок. Видимо это и вызвало недовольство граждан, хотя лично я, если меня спросили бы, утверждал бы обратное. Выйдя в центре, я вспомнил самую короткую дорогу до шатра и пошел, представляя, что будет там минут через десять.

Весной город казался не таким красивым, как зимой. Чего-то явно не хватало. Снега? Может быть. Под собой он прятал многое. Все те недостатки, которые сейчас всплыли наружу, совсем недавно были скрыты. Как всегда, впечатляли наши дороги. По ним так лихо не погоняешь, как в американских фильмах. Еще ладно главные, но те, которые проходили между домами, так называемые дворовые дороги, вообще

не поддавались описанию. Если какая-либо машина застревала в яме, назад оттуда без посторонней помощи не выбиралась. Однако не будем сегодня говорить только о побитых автомобилях, нужно смотреть на все с лучшей стороны, но не забывать и обо всем остальном.

Снег растаял давно, с полтора месяца назад, но постоянные и изнурительные дожди все время напоминали о том, что май – это еще не лето, но уже значительно близко к нему. Листья на деревьях набрали силу, и теперь никакой сильный ветер не смог оторвать их, гнать куда-то по дороге, чтобы те сгнили где-нибудь в подворотне.

*«Все-таки странная какая-то погода, – подумал я. – Вроде солнце светит и одновременно дождик капает. Что творится?»*

Подойдя к закрытой кассе, я осмотрел ее. В этой маленькой конуре практически ничего не изменилось. Ну, разве что разукрасили ее в более подобающий для цирка цвет. Я обошел ее. Точно! Она была передвинута на три метра вперед. Да-а-а, старые привычки не исчезают.

Охрана, бродящая около забора, поменялась. Интересно, как они себя ведут? *«Может для дополнительной бодрости тряхануть их током, а то вдруг решат слинять куда-нибудь?»* Прошмыгнув за пределы ворот в тот самый момент, когда они отвернулись, я подошел к шатру и заглянул внутрь. Весь манеж был заполнен девчонками и мальчишками. По большей части здесь присутствовали девочки, но и мальчи-

ки были, хотя и в ограниченном количестве (всего девять).

Взглядом я отыскал Евгению Фоменкову. Да и как ее можно было не заметить? Гимнастки на трапециях всегда привлекают к себе внимание. А она совершенно не изменилась: все то же юное лицо, на котором теперь всегда присутствовала улыбка, все та же одежда и практически все те же трюки, разве что улучшилось их исполнение, а это самое главное у артистов цирка.

Пройдя немного вперед, я увидел Светлану Тужуркину, одиноко сидящую на бортике манежа. В руках она держала три кольца, но бросать ими, по всей вероятности, и не намеревалась. Она пребывала в глубочайшей задумчивости. Видимо, как раз в этот момент ее застала врасплох какая-то гениальная идея. Я улыбнулся. Такая маленькая, а уже проблемы решает... Как всегда, в середине манежа находилась Анастасия Корабовкина. Она привыкла быть в центре внимания, и от этого уже никуда не деться, хотя может ей полезней было бы сместиться куда-нибудь к краю? Почти рядом с ней находилась все такая же веселая Подчечуйкина, которая улыбалась во весь рот и при этом еще жонглировала, не забывая разговаривать с Вероникой Колошиной. Не скажу, что они были самыми лучшими подругами, но в отличие от Тужуркиной, общались часто. Ведь как же в цирке без этого? У нас только одна Света сидела где-то в «кустах», и казалась какой-то обиженной, брошенной и... Вот так посмотришь на нее, и так жалко станет, просто уши зачесутся!

Закрыв за собой дверь, я стал приближаться к манежу. Первым меня заметил Иннокентий.

– Игнат вернулся! – крикнув он, откладывая в сторону реквизит.

Все как по команде прекратили репетицию и уставились на меня. Я им что, монумент? Может, работа какого-нибудь шестиклассника по дерево-прикладному искусству? Зачем столько внимания? Я почти покраснел. За мной наблюдали все, даже Фоменкова не удержалась и на долю секунды посмотрела на меня, но и этого было достаточно. Что тут началось!

Что самое главное у воздушных гимнастов? Сосредоточенность и полный контроль над своими действиями. В данный момент Женя отвлеклась и сделала непоправимую ошибку. Из-за этой неосторожности ее рука соскользнула с трапеции и девочка, перемахнув через страховочную сеть, полетела прямо на меня. Сделав сальто в воздухе, она врезалась, и мы полетели на паркетный пол. Не скажу, что для меня это было самое мягкое падение, но Женя пребывала на девятом небе от счастья. Это же надо так умудриться сорваться и почти ничего не повредить! Во всяком случае, она чувствовала себя лучше, чем я.

– Я тебе что, батут? Поднимайся живее, а то так и задавить можно!

Девочка поднялась легко и быстро. У меня же чертовски ныла спина, да и в голове шумело как после похмелья. По-

массировав шею, я сел в одно из пустующих кресел и произнес:

– Хорошо же вы встречаете друзей!

Нас с Женей моментально обступили и стали интересоваться здоровьем и самочувствием. Что за дети пошли, а говорят новое поколение, новое поколение – все философы и дипломаты! Вранье!

Немного оклемавшись от бурной встречи и пожав руку всем мальчишкам, как знакомым, так и нет, я вышел на манеж. В голове с невероятной скоростью пронеслись события прошлого года, как хорошие, так и плохие: мои выступления, радость за успех и разочарование в неудавшемся трюке. Все моментально всплыло передо мной, и я просто стоял, осматриваясь кругом. Я помнил каждый миг, каждую секунду, проведенную под куполом родного цирка.

Все остальные просто стояли и наблюдали, не решаясь ничего сказать. Они понимали, что сейчас происходит со мной, и пока не мешали. Всю иллюзию испортила Любовь Васильевна, появившаяся на манеже со своим мужем.

– О, Игнат! Рада снова тебя здесь видеть!

– Надеюсь, в этом году у нас не возникнут несчастные случаи? – усмехнувшись, добавил Сергей Дмитриевич.

– Я верю в это, – вспомнив один мультфильм, процитировал я его, хотя конец там был, конечно же, другой.

– Так, а что вы-то стоите? – удивилась женщина. – По-моему, репетиция продолжается – на носу недельные гастроли,

а вы стоите, глазами хлопаете. Давайте принимайтесь за дело!

Она посмотрела на всех участников циркового коллектива и вдруг остановила свой взгляд на Евгении.

– А ты-то, почему такая красная?

«Она только что с бани», – хотел ответить за нее я, но ничего не получилось.

– Я не шучу.

Девочка молчала и смотрела себе куда-то под ноги. Пришлось рассказать все, как на духу, но, как всегда, с моими любимыми загадками.

– Не ругайте ее строго, пожалей ее, родня... Просто наша Женечка исполнила второй дубль знаменитого полета под куполом цирка.

– Не понял! – произнес мужчина.

– Ох, какие вы все недогадливые, прям дети малые! Ну, с вылетом из шатра за забор. Вспомнили? Только в данном случае мягким батутом служил я. У меня от этого до сих пор русалки перед глазами плавают.

– Как это могло произойти? – еще больше удивилась женщина.

– Всему виной любопытство! – тихо произнесла девочка. – Я отвлеклась всего на долю секунды...

– Иными словами не справилась с управлением! – высказался Кеша.

– Вы смотрите там осторожней, мало ли что случиться мо-

жет, все у вас шутки! – сказал звукооператор, присаживаясь в кресло.

Репетиция продолжилась. Все остальные артисты не обращали на меня практически никакого внимания. Ну, так ясное дело – первый раз увидели, а про «дело с тараканами» и подавно не слышали. *«Нет, нужно срочно начинать знакомиться с коллективом!»* – подумал я, берясь за булавы. *– Кидану пару разиков, раз пришел!»*

Я даже и не предполагал, каким огромным стал коллектив. Если раньше на манеже негде было упасть яблоку, то теперь негде было упасть косточке от того же яблока.

Как всегда, время пролетело быстро и незаметно. Любовь Васильевна встала из-за своего стола, собрала всех детей на манеже и, призвав к тишине, заговорила:

– С завтрашнего дня начинаются недельные гастроли по городу. В них участвуют только восемь человек: Света, Настя, Женя, Кеша, Вероника и попробуем на этот раз выпустить на школьную сцену Олю и Пашу. Игнат, надеюсь, с фокусами проблем нет?

– Какие проблемы? У меня всегда все в порядке, если же, конечно, никто не захочет пошутить!

Я посмотрел на Женю и улыбнулся. Та опустила глаза и больше на меня не смотрела.

– Это было давно и неправда! – вмешался Сергей Дмитриевич.

– Да, – подтвердила его жена. – Не стоит ворошить про-

шное. Все забыто, и все лишние давно покинули пределы нашего цирка.

– Не скажите!

Я встал.

– Те трое, провалившиеся под сцену, никогда этого не забудут. А Вероника? Ей чуть колесо от моноцикла в нос не заехало, а вы – забудьте! Да ей оно теперь, наверное, во сне снится.

– Хватит об этом! На носу выступление, а мы про что разговариваем? В этот раз я намеренно не беру новеньких, так как хоть они и пришли в январе-феврале, но делать не умеют практически ничего. Разве это цирк, если никто ни к чему не стремится? На кого я могу рассчитывать? Да, у меня есть те люди, которые все умеют, и на которых я могу полностью положиться, но не могу же я постоянно снимать их с уроков для цирковых выступлений! А как же все остальные? Что умеют делать они? Ничего! Зачем вы ходите на репетиции? Просто сидеть, ничем не заниматься? Тогда, может, проще закрыться и дело с концом?

Все молчали и смотрели на равномерно разбросанные по манежу опилки. Никто не хотел противоречить руководителю. Да и какой смысл? Все, что она говорила, было правдой. Даже если я и не знал всего этого, то во всяком случае догадывался. Еще в прошлом году, когда я ходил сюда, было то же самое. Занимались только те, кто этого хотел. Но если так было раньше, то, возможно, так было и сейчас.

Не понимаю, как так можно относиться к одному из самых ярких, зрелищных, впечатляющих искусств мира? Быть в цирке – это же так великолепно! Не каждый может с гордостью сказать: «Я занимаюсь в цирке! Я его артист!» Здесь нужна постоянная:

Работа, работа, работа... в горячем поту!

– Сейчас я расскажу о предполагаемых выступлениях, начиная с завтрашнего дня. Значит завтра, двадцать второго мая, среда – девять – тридцать – школа номер тридцать четыре...

Оживились Вероника и Светлана, так как они учились именно в ней и уже давно хотели там выступить, но не было подходящего момента, и вот теперь...

– ... пятнадцать-тридцать – детский сад «Кристаллик». Двадцать третьего мая, девять-тридцать школа номер одиннадцать...

Мне пришлось удивиться. Я даже и не предполагал, что придется выступать в своей родной школе. К этому нужно подготовиться по-особенному: пересмотреть весь реквизит, потренироваться перед зеркалом с веревочными трюками. Бывшие учителя как-никак! Одиннадцать лет все-таки вместе были.

– ... пятнадцать-тридцать – детский сад «Русская сказка». В пятницу, двадцать четвертого мая, в девять-тридцать – школа номер тридцать пять, в субботу планируется выступлении в здании дворца культуры профсоюзов, где мы

когда-то располагались. В понедельник утром нас ждет вторая школа и, наконец, во вторник последнее пока выступление опять-таки в «профсоюзах». Всем ясна наша неделя гастролей?

И мальчишки, и девчонки кивнули головой.

– Вот и хорошо! А теперь остаются только те, кто выступает завтра и в другие дни, для остальных же репетиция будет двадцать восьмого мая, во вторник, в шесть вечера! Попрошу не опаздывать. Мы начинаем делать новую программу! Тот, кто будет посещать занятия, тот и будет выступать! Надеюсь, я высказываюсь понятно для всех? Тогда все, репетиция закончена, жду вас во вторник, через неделю!

Все лишние быстро собрались и оставили нашу «бойцовскую команду» наедине с предстоящими выступлениями. А цирк-то насчитывает почти сто человек! Так, где же они, новые артисты? Нет их! Вот так всегда, как только выступление, так нет нигде никого и тогда хочешь ищи, хочешь свищи, никто не придет на помощь!

– Значит так, сейчас я зачитаю программу, которая пойдет в школе и в детских садах, а уж потом вы начнете собирать реквизит!

Оставшиеся дети обступили женщину и с нетерпением стали ждать.

– Итак, школы! Открывает выступление, как всегда, оп традиции «Русский сувенир», затем «Здравствуйте», «Пластический этюд», «Горшок», «Моноцикл», «Новости», «Ак-

робатический дуэт», клоуны «Спящий экстрим», «Фокусы», «Муха», «Ваза», и «Жонглеры». Итого двенадцать номеров. А теперь детские сады! Ситуация практически не изменилась: первый номер – «Сувенир», затем пластический, клоуны «Кто кого», «Кабаре», «Два арбуза», «Ваза», «Коробка конфет», «Дуэт на цилиндре», «Фанта» и «Жонглеры». Всего десять номеров. Вот. А вы говорите: «Давайте сделаем что-нибудь еще!» С кем делать? С вами? Вы и так до предела загружены номерами, даже переодеваться не всегда успеваете, приходится постоянно задерживать зрителей ненужными разговорами.

– Любовь Васильевна, может, мы вещи начнем собирать, а то нам домой будет поздно ехать! – попросила Женя.

– Пожалуйста, ради Бога! Я что, вас задерживаю?

Ей никто ничего не ответил, но во взгляде некоторых детей можно было ясно прочесть, что это именно так.

Почему остался я, до сих пор не пойму. У меня что, реквизита много? Да, с фокусами было всегда сложно из-за громоздкой аппаратуры, но в данном случае все мои вещи находились дома и присутствовать здесь становилось просто бессмысленно, но разве что подождать Иннокентия и Веронику, и вместе поехать домой. Ни Мерзляковой, ни Корабовкиной я не видел. Может, случилось что? Заболели? А может, бросили? Нужно во всем разобраться: если ушли – огорчусь, если заболели – посочувствую.

Минут через двадцать, все нужное для выступления бы-

ло собрано и аккуратно разложено по чемоданам. Проверив раза три и полностью убедившись, что волноваться о забытой вещи никто не будет, дети стали, наконец, собираться по домам.

Выйдя на улицу, я почувствовал, что стало заметно свежее. Ровно восемь. Солнце близилось к закату, но все еще продолжало согревать город. Удивительно! До чего же иногда бывает хорошо просто пройтись по улице, особенно после дождя, когда все так и дышит чистотой и легкостью. Как-никак скоро лето, других объяснений я не могу подобрать.

Мы ехали молча. За всю дорогу я только пару раз перекинулся словами с Иннокентием, а Вероника вообще отошла от нас в другой конец вагона, как будто мы были незнакомыми людьми. Что ей взбрело в голову? Вроде не обижали. И как после этого расценивать поступки? Она у нас всегда была с причудами, так что со временем на это мало обращали внимание.

Условившись с Кешей встретиться завтра на остановке в восемь-тридцать, я пошел дальше прямо, а они завернули к своему подъезду. Странную надпись, оповещающую о присутствии бомжей, давно стерли, и теперь дверь не казалась такой своеобразной.

В одиннадцать вечера появился «Макар» и компания».

– Что делаем? – спросил он, доставая из рукава банку пива.

– К выступлению готовлюсь!

– Опять начинается! – покачал головой Мишка. – Все заново, да? Тебе не надоело там торчать? Что можно там делать?

– Когда ты не умеешь практически ничего, то делать там можно многое!

– Так значит, банкет отменяется? – спросил Лешка.

– По всей вероятности, – ответил я.

– Мы так и думали.

– Ну, ты совсем одурел! Жил же пять месяцев нормально без какого-то ни было цирка, а тут – на тебе! Пошел на репетицию и вновь ввязался в это дело, – заворчал Саня.

– Тебе, может еще медведей подбросить? Так это мы мигом, только скажи!

– Нет-нет, спасибо! Нам и один выше крыши! Послушайте, мне некогда, нужно выспаться, отдохнуть, порепетировать в конце концов, а вы тут все байки травите! Так дело не пойдет!

– Ладно, Саня, забей ты на него! Пойдем лучше к тебе! Может, хоть там отдохнуть спокойно удастся.

Закрыв за ними дверь, я вернулся к себе в комнату, поправил кровать, погасил свет и словно по традиции на пару секунд задержался у окна.

Луна. Ее свет падал прямо мне в комнату, и иногда казалось, что уже наступил день. Чистое безоблачное небо давало надежду на хорошую погоду, которой пока не было и не предполагалось, уж в этом-то я уверен на все сто.

Еще раз развернул освобождение на предстоящую неделю, подписанное директором цирка, и мне стало так хорошо на душе, так приятно... Не успел вовремя вытереть слезу радости, и она бесшумно упала на пол.

Цирк! Я полюбил его всем сердцем. Из всего коллектива может и найдется пара человек, которые любят его так же, как и я. Возможно. Но не все. Если бы его любили все, мы бы, возможно, стали самыми лучшими из детских профессиональных цирковых коллективов. Моя вера в то, что это может случиться, не умрет никогда.

## День второй

Как же мне не хотелось утром вставать. Интересно, такое чувство возникает у всех или только у меня одного? Не спеша одевшись и перекусив тем, что вчера послал Бог, а именно колбасой, сыром, сметаной и другими полезными вещами, я вышел на улицу и чуть задержался у своего подъезда. Дождик капал, не переставая, и через полчаса я наверняка промокну, но не возвращаться же из-за такой ерунды и надевать куртку? Конечно, нет! Все мои вчерашние прогнозы сбылись с феноменальной точностью, но я не растерялся, а смело зашагал к остановке.

Там меня уже поджидал Иннокентий.

– Ты чего так долго? – спросил он. – Я уже совсем продрог, тебя дожидаясь!

– Ничего страшного, тебе полезно.

– Ты что? Когда это стало полезным стоять под дождем?

– Это все с тех самых пор, когда появилась поговорка: «Стоишь под дождем – больше вырастишь!» Ну, или что-то в этом роде. В поговорках я не силен.

– Это они сгоряча так придумали или после хмельного за-  
поя. Видимо тогда за бутылкой чаще бегали: и в дождь, и в  
снег, – вот и сочинили такую байку для своих жен.

– Так что, они там все карликами были?

– Почему бы и нет? В поговорках всегда смысл кроется.

Мы зашли в трамвай и заняли два пустующих места.

Дождь усилился.

– Да, кстати, где твоя сестренка? – спросил я.

– Верка? Когда я уходил, она еще в кровати валялась.

– Она что ж, не собирается выступить?

– Почему? Вовсе нет, просто она не привыкла так рано  
вставать. Знал бы ты во сколько она встает по выходным! До  
двенадцати спит, затем, значит, час-полтора просто лежит, в  
себя приходит, а уж потом думает: вставать ей или нет. До-  
ма ну совершенно ничем никому не помогает, только днями  
напролет смотрит этих своих, как их там называют, ну кото-  
рые из Японии... или Китая... ну кричат они, что соверша-  
ют возмездие во имя Луны и которые с матросами в одной  
шайке.

– Супермены что ли?

– Во-во, только женского рода. Так вот, она, вместе со

своими подружками: Светкой, Анькой и Ольгой, наметили «стрелу»...

– Кого наметили?

– Ну «сходняк»...

– А-а-а!

– ... на восемь-тридцать «сходняк» наметили. Считают, что за полчаса могут до шатра доехать. Ха, наивные!

Да-а-а, за пять месяцев Вероника сильно изменилась. Не знаю только, в какую сторону. Может в обратную? Если в те далекие времена из этих двоих больше разговаривала она, то теперь все наоборот. Куда подевалась ее энергичность и любопытство? А когда-то она предлагала в качестве ассистентки себя. Было время! Сейчас почему-то со мной общается Иннокентий, хотя ранее такого рвения в дружбе за ним не наблюдалось. «О времена, о нравы!» Кто же это сказал? Эх, ладно, вспомню когда-нибудь. «*А может, в этой семейке все передается по наследству?*» Нет, что-то не то я ляпнул, у них, скорее всего «обмен» заключается между братом и сестрой, типа ты – мне, я – тебе. «*Ущипните меня, если это не так!*» Ничего не почувствовав, я успокоился и признался в правоте всех своих мыслей. Что ж, поживем – увидим. Все еще только начинается. Может, она и изменится, ведь за два дня, как известно, ничего не решается, хотя нашей дружбе то обстоятельство, что мы не виделись почти полгода, может существенно помешать.

– А что ты там про Ольгу говорил? – спросил я. – Это

наша Подчечуйкина?

Как вспомню ее голос и улыбку – такой смех пробирает, прям, как будто вчера ее видел. Стоп! Я же вчера ее и видел!

– Какая Подчечуйкина? Разве наша «чешуйчатая» здесь живет? У нас же две Ольги. Как раз вторая тут и обитает, ну, в смысле не в трамвае, а недалеко от рынка. Вообще-то ты ее должен знать. Она, по-моему, пришла еще тогда, когда все кругом ломалось и превращалось в хлам. Ее Верка привела с еще одной подружкой. Вспомнил?

У меня что-то давно крутилось в голове, но найти нужную ниточку и потянуть за нее я так и не сумел, и поэтому лишь покачал головой.

– Ну, у нее еще фамилия такая оригинальная – Микробная!

– Ах, Микробная! – наконец прозрел я. – Конечно, я знаю такую.

Теперь-то я вспомнил, что это за девчонка. Она пришла в цирк как раз почти перед самым закрытием «Дела о тараканах». Написать бы все это, да подкинуть Хичкоку, вот бы он обрадовался, а то его «Тайна замка с привидениями» второй год в книжных магазинах валяется. Могу поспорить, ее уже весь город прочитал. К сожалению, писать мне некогда, да и какой из меня писатель? Я же двух слов по нормальному связать не могу, а тут такие события описывать, к тому же во всех подробностях! Нет, это дело не для меня, пусть кто-нибудь другой старается, а я, со своей тройкой по русскому

языку и литературе в сторонке посижу и за всем этим творчеством понаблюдаю.

– Так ты про нее совсем ничего не знаешь? – прервал мои мысли Кеша.

– Да пока вроде ничего конкретного, – пожал я плечами.

– У-у, отсталый человек!

– А что, я разве что-то должен знать?

– Кликуху ты ее точно знать должен. Она редкостная, но легко запоминается. Мы ее прозвали «Полировкой».

– Кем? ... э-э-э, чем?

– «Полировкой», ну лаком таким, что столы кроют. Дошло?

– А почему именно этой самой?

– А как же иначе? Она же у себя дома все лаком покрывает, начиная от ногтей и заканчивая кинескопом телевизора, ручками и стирашками. Да она сама рассказывала, что в детстве подобное творила.

От удивления я покачал головой и произнес:

– Во дает, а вроде нормальной казалась!

– Куда там, взглянешь на нее – прямая как доска, а уже тринадцать лет было. Вон в моем доме, в соседнем подъезде деваха живет, так по ней не скажешь, что тринадцать. На все восемнадцать тянет. Да зачем далеко ходить, взять, к примеру, мою сестру! У нее все всегда при...

– Хватит! – остановил я его рукой. – Я понял, и нечего мне рассказывать все дословно, не из Африки же приехал!

Мальчик обиженно посмотрел на меня, как будто ему не дали досказать что-то важное и, замолчав, уставился в окно.

Я его совершенно не узнавал. Кто это передо мной? Колошин Иннокентий или его копия? Как он быстро перевоплотился в другого Кешу? Стал использовать такой жаргон, что даже иногда и мне непонятно, на каком языке он разговаривает в данный момент. Что творится кругом? Полнейшее отсутствие внимания со стороны родителей! Куда все смотрят? В полированный ящик, на мексикано-индийско-бразильские «супер вестерны» длиной в два с половиной года, не хуже «Санты-Барбары» в две тысячи серий? Ужас! Кошмар! Кого винить – у всех чистейшая репутация. О чем это я? Ах да...

Дойдя до шатра, я остановился и посмотрел кругом, в надежде отыскать взглядом наш «доморощенный» автобус, но наткнулся лишь на двух милиционеров, сидящих на скамейке около доски объявлений. *«Эх! Шибануть бы их током!»* – размышлял я. Вздохнув, мы вошли вовнутрь.

Там уже собрались некоторые участники предстоящего вступления, но не все. Не хватало всего двоих, как я оценил, осмотрев все беглым взглядом. Не было сестры Кешы, о которой говорилось чуть ранее, и Микробной, той самой, которая обои полирует. Единственное, чего я не понимал, так это то, почему Вера не пришла вовремя. Не знаю как Микробная (еще не успел хорошо познакомиться), но что касается первой девочки, то я прекрасно знал – раньше она никогда не опаздывала, а приходила намного раньше всех остальных.

Что случилось с лучшими артистами? Весеннее обострение? Спящая королева – это хорошо, но встающая рано принцесса еще лучше.

– Ага, вот и вы! – встав из-за стула, воскликнула Подчечуйкина, когда мы только подошли к манежу.

Мне показалось, что она специально сидела как бы в «закаде» и ждала только нашего появления, чтобы выпрыгнуть и всех напугать. Что говорить – дети! В них всегда столько много неистраченного веселья. Взять, к примеру, нашу Олю, о которой я разузнал достаточно много за то время, что мы... я охотился на «тараканов». Да она же сама невинность. Если бы кто-нибудь приглядывался бы так же хорошо, как и я, то сразу согласился с этим. Кто ее не знает, всем советую заглянуть сперва в ее глаза, и все станет ясно. Они всегда блестят... блестят счастьем и радостью, словно драгоценные камни,

... два бриллианта, три карата

Около нее я стою, разинув рот, ребята!

Глазки у нее: две тарелки, три кастрюли

И вообще она – вся в натуре, вся в натуре!

Вообще-то я стоял, разинув рот и смотрел на нее только единожды, когда только-только побелили потолок ее гримерной и часть побелки осыпалась ей на голову. Вскоре она выглядела так, будто на нее высыпали мешок муки. Когда же Оля подошла к зеркалу, крику было... Лучше и не рассказывать. Что вспоминать не очень удавшееся прошлое, а как

его не помянуть, когда оно само в голову просится? Вот, к примеру, был еще такой случай, с той же самой Подчечуйкиной...

Это произошло тогда, когда я охотился на «Барабашек» и даже не представлял, что смогу найти. В один прекрасный день, перед репетицией, когда артисты только-только собрались, а мне посчастливилось прийти первым, я невольно стал свидетелем того, как Иннокентий мастер на всякие разные выдумки и шутки, оставил перед дверью Оли небольшую, красиво перевязанную коробочку с неизвестным содержимым. Мне стало любопытно, что он мог ей подсунуть, и я остался на месте, делая вид, как будто кого-то жду. Наконец, появилась главная героиня, подняла коробочку, и на ее лице засияла улыбка. «Поклонники!» – наверняка подумала она. Девочка стояла боком, и мне было прекрасно видно, что происходило дальше. А дальше было вот что: она поспешила развязать ленточки, не решаясь даже зайти в свою гримерную, так как любопытство, всегда, превыше всего. Иногда даже все совершенно забываешь из-за какого-то обыкновенного любопытства, которое даже может перебороть страх. Она открыла коробочку и...

Я смехом чуть не выдал свое присутствие. Что там за система «Ниппель» была, я не знаю, но скажу точно – явно нашего производства. Сейчас попробую Вам объяснить, что к чему! Значит, когда Оля открыла коробку, там сработал какой-то скрытый механизм, что-то вроде катапульты, и в де-

вочку полетела какая-то желтовато-прозрачная субстанция. Она попала ей чуть выше лба и стала медленно стекать по щекам, носу, подбородку и капать на пол. Я изо всех сил напряг зрение и... Бог ты мой! Ведь это самое настоящее куриное яйцо, поданное «фанатами» в знак поклонения. Ай да Кеша, ай да шутник! Всегда найдет повод посмеяться и развеселить других.

До сих пор не забуду ее реакцию, когда все это прилипло к ее лбу. Подчечуйкина в испуге, отпрыгнула в сторону, выронила из рук злополучную коробку и как закричит: «А-а-а!» Я думал мне суждено оглохнуть на месте, но, к счастью, все обошлось.

Где-то в конце коридора я услышал радостный смех и удаляющееся посвистывание, но как раз в этот момент меня обнаружили, и угадайте, кто?.. Правильно, будь она не ладна!

– А что это ты здесь делаешь? – спросила, как будто появившаяся из-под земли Вероника.

Я нагнулся и...

– Да вот, десять рублей потерял!

Затем резко развернулся и постарался как можно скорей уйти от этого невезучего места.

Таких забавных происшествий я мог бы вспомнить сотню, а то и больше, но, извините, нет времени их описывать. Так что можете считать это небольшим отступлением от прошлой жизни участников циркового коллектива. Но не расстраивайтесь, по мере возможности я буду сообщать вам

весьма интересные факты обо всех, с кем тогда удалось познакомиться.

А теперь вернемся все же к настоящему!

Оля сидела около манежа и усердно укладывала свои вещи в собственный чемодан, который она должна была хранить и следить за тем, чтобы никто посторонний его не трогал. Так поступали и все остальные, ведь кто же за них будет все раскладывать по местам? Это в старину, как рассказывала Конарейкина, когда еще цирк располагался в здании областного дворца культуры, все за всех упаковывали руководители, но времена с поразительной скоростью меняются, и теперь уже все по-другому. Коллектив большой, и они все должны делать сами и не надеяться на других. Ну а если кто что и забыл, то, как говорила Любовь Васильевна; *«Это уже их проблемы! Забыли – выступить не будут!»* Все просто до безумия. Так что перед каждым представлением все проверялось по несколько раз, ведь никто не хотел, чтобы его не допустили до выступления.

Мы перешагнули через барьер и оказались на манеже. Кеша сразу же отправился в свою комнату за собранным еще вчера чемоданом, ну а я остался и присел на барьер, ожидая руководителей. Зачем я опять приходил? Все мои атрибуты для фокусов находились дома и за ними все равно придется возвращаться, но коробки коробками, а самое главное что? Костюм! Встречают-то по чему? Не по прическе, не по наческе, не по рукам-ногам и так далее, а «встречают по

одежке»! Костюм. Без него нельзя выйти никуда! Да и никто без него не выпустит ни на манеж, ни на сцену.

– Игнат! Ты как раз вовремя, – сказала появившаяся из-за кулис руководитель. – Тебе нужно взять два костюма: для фокусов и жонглеров! Надеюсь, в них ты еще влезешь!

Она подошла ближе и осмотрела меня.

– Не растолстел же, в самом деле, за каких-то полгода, хотя с другие люди и за месяц килограмм двадцать набирают, но ты, я вижу, как был не особо крупных габаритов, так таким и остался.

Каким ты был, таким ты и остался,  
Худой пацан, как кустик под окном.

Каким ты был, таким ты и остался,  
Поменьше б бегал ты за сном!

Хотя, с другой стороны, когда спишь, то не хочется есть, но сегодня аналогичную ситуацию переживает Вероника.

Наконец, долгожданное чудо свершилось, и в шатре появилась Вероника. На ней был черный свитер в красный горошек, какая-то тряпка-повязка, как у рабочей колхозницы, синие джинсы, ну и супермоднявые «ботинки» с платформой сантиметров двадцать!

– Ну ты спишь! – сказал я проходящей мимо девочке, но та даже не повернулась в мою сторону.

Следом за ней появилась и Микробная. Я, конечно же, видел ее до этого два-три раза, но теперь она меня поразила до безумия. На голове красовалась красная бейсболка; чер-

ная легкая куртка, купленная, по всей вероятности, совсем недавно, была расстегнута, и под ней виднелась желтая футболка с нарисованной на ней какой-то девчонкой с двумя длинными косичками и с большими глазами, больше похожими на блюдца.

Ждать больше было некого, и мы, погрузив все вещи и заняв наиболее удобные места, поехали. Весь путь я пребывал в тишине и, как ни странно, никто меня ни о чем не спрашивал. Бывает же такое! А кругом-то, какой галдеж стоял: все друг с другом разговаривали, спорили и занимались невесть чем вплоть до игры в ладушки. Ну и коллектив!

Доехали мы так быстро, что я толком не успел ко всем прислушаться. Сбегал за коробками и ящичками для фокусов, благо дом находился рядом. Когда вернулся обратно, все артисты находились в актовом зале школы, а водитель автобуса покуривал сигарету и бездумно смотрел на белые стены здания, пуская круги едкого дыма к безоблачному небу. Куда все тучи подевались?

Войдя внутрь, я сразу же оказался в холле, но уж очень он показался мне тесным – не развернешься с моим реквизитом. Не люблю такие помещения, даже если они и выглядят великолепно: ковры, плакаты, стенды, бюсты... Свернув в левый коридор и поднявшись по лестнице, я попал в актовый зал. Он был единственным, что запомнилось в этой школе.

Разложив все костюмы и реквизит в том порядке, в кото-

ром он будет демонстрироваться зрителям, мы на немного присели.

– Как настрой? – спросила Любовь Васильевна.

– Полный «окей»! – крикнул Иннокентий из-за кулисы противоположной стороны.

– В смысле?

– Ну как же, «окей» – то же самое что «отлично» по-русски.

– А-а-а, не знала, не знала.

– Ах ты наш англичанин! – отозвалась его сестра. – Книжки иностранных перечитался что ли?

– Нет, только фильмов посмотрелся!

– То-то я смотрю, ты каким-то странным стал...

– Не знаю как он, – вмешался я, – но ты в этом году точно какая-то не такая как была раньше. Что с тобой случилось?

Она ничего не ответила, но одарила меня таким взглядом, что любой другой на моем месте давно убежал бы отсюда подальше с криком: *«Ведьма, ведьма! Чур меня, чур!»* Я же выдержал ее испепеляющий взгляд и мысленно произнес: *«Ну что ж, хорошо. Хочешь игры – пожалуйста, хочешь войны – пожалуйста! Даже твои колдовские штучки тебе мало помогут! Поживем – увидим».*

Через минуту-другую пошли зрители. Это были дети первых-пятых классов, которые, судя по радостным взглядам, с нетерпением ждали начала представления.

– Вас приветствует детский профессиональный цирк

«Мечта» у Никольских ворот! – поприветствовала собравшуюся публику Любовь Васильевна и объявила первый номер. – «Русский сувенир»!

Его исполняла Конарейкина в костюме, отдаленно напоминающим старые годы восьмого века. Здесь не требовалось почти никакого мастерства, кроме как пару раз кинуть мячи, ну и сделать шпагат да несколько переворотов. Это не представляло особого труда для Насти, и номер закончился на достаточно высокой ноте. Вот Любовь Васильевна представила зрителям всю клоунскую «группировку», и те побежали здороваться со зрителями. Перелапав первых два ряда девичьих и мальчишских рук, клоуны вернулись на сцену, и диалог пошел уже с ведущей, которая все время хотела, чтобы те поздоровались со всеми зрителями одновременно, но из этого ничего хорошего не вышло и, перепутав все на свете, наша пятерка поприветствовала лысого усато-бородатого дяденьку с двумя косичками-кудряшками и какую-то девочку-мутантку с густыми бакенбардами, которые плавно переходили в пышную бороду. Так ничего толком и не разобрав, уступили место Жене с ее пластическим этюдом. Не скажу, что она была большой лентяйкой, но так оно и было. Ее номер ни капельки не изменился. О чем это свидетельствует – решайте сами, но я на него даже и смотреть не стал, хотя девочка и выполнила его так, как положено. Да, она хорошая гимнастка, но ей не хватает чуточку хореографии и продуманности всех движений. Любовь Васильевна все время от-

кладывала этот номер на потом и, в конечном счете, забыла, полностью погрузившись в другие.

Наступила очередь клоунской пантомимы «Горшок». Здесь, конечно же, требовалось приложить немало сил и умений, чтобы заставить зрителя поверить, что ты плачешь, смеешься, испытываешь ужас... А ведь именно это и предстояло продемонстрировать на сцене Веронике, Иннокентию и Светлане. К тому же этот самый горшок весь номер находился под большой тряпкой, так что публика терялась в догадках и предположениях: «Что это там, интересно знать, находится?» Все открывалось только за несколько секунд до его завершения и в большинстве случаев, как, к примеру, сегодня, зритель аплодировал и, не скрывая радости, смеялся.

Для этого-то и существует цирк, тем более детский профессиональный, как наш!

Четырехминутный «Акробатический дуэт» с Фоменковой и Конаейкиной произвел на зрителя незабываемые впечатления. Здесь наша Женя выкладывалась полностью, да и не только она. Как я заметил, номер был коренным образом перестроен: появились новые трюки, другие движения. Конечно, за пять месяцев – сальто, фляки и все остальное, как старое, так и новое, у них получалось превосходно. *«Это не Микробная»,* – подумал я, вспомнив рассказ Кеши: *«Она кроме как кидать мячи, не умеет ничего! Что толку, что она занимается полгода? Даже на цилиндре стоять и то толком не может, а уже туда же, в артисты лезет. Если с*

*таким успехом цирк будет развиваться и дальше, то мы не только раз в месяц представление на манеже не будем давать, так и раз в год не успеем!»* Да-а-а, такие артисты цирку не нужны. Вот если бы ей кто-нибудь сказал бы об этом, тогда Оля может, и зашевелилась, а с такими темпами она и за год ничего не сделает. Нужно будет намекнуть, но потом, а сейчас...

– Моноцикл! Вероника Колошина, Ольга Микробная.

Ну вот, пока размышлял о том о сем, «Спящий экстрим» уже прошел. Когда они только успели?

На сцену выкатила Вероника и стала наматывать круги. Оля вынесла ей мячи и та, не останавливаясь, взяла их и покатила дальше. Вдоволь накидавшись, она перешла на булавы, затем на кольца, покрутила на руках обручи и завершила свое путешествие по сцене, размахивая двумя громадными флагами, с надписью «Цирк «Мечта»!

*«Поднялись, поднялись, – подумал я. – В прошлом-то году, она кроме мячей ничего в руки не брала – боялась. Теперь же, видимо, пересилила все свои страхи и решила во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Вот так, Оля, учись, пока она жива», а то поздно будет!»*

Новый клоунский номер «Новости», где рассказывались «непридуманные» веселые истории, вызвал среди зрителей настоящий фурор. Ни Любовь Васильевна, ни Сергей Дмитриевич даже не предполагали, что такое может произойти. Теперь-то он надолго закрепится в нашей программе, ведь

как сказал руководитель -

Сегодня – дебют этого номера и если он пойдет на ура, то так уж и быть – оставим ненадолго.

Больше всего радовалась Подчечуйкина – ей отвели роль диктора, и она блестяще с ней справилась несмотря что ей тринадцать.

Про фокусы я пока Вам ничего не буду рассказывать, так как времени для этого будет достаточно. Скажу только одно – помимо моих старых трюков я вставил совершенно новые, никому не известные, а узнать секрет у них совершенно невозможно. Мне пришлось приложить максимум усилия и терпения, чтобы все задуманное воплотилось в реальность. Недаром же я провел с Саней и Лехой долгие недели с инструментами в одной руке и книгой фокусов в другой. Сразу же за моим номером пошла история про супер-кибер-муху-ниндзя-камикадзе. Это был восьмиминутный триллер так и назывался «Муха». Во время его просмотра дети просто «помирали» со смеху. Вот что значит ежедневные «мучительные» репетиции. Наша клоунская группа знала свое дело, особенно сейчас, когда не мешали «барабашки». В принципе, они и тогда с этим неплохо справлялись, но теперь и подавно. У всех светилась дружеская улыбка, лился смех, когда надо – все плакали, рыдали или колотили друг друга. Что ни говори, а здесь действительно нужно быть гением, чтобы сыграть дурака.

Евгения Фоменкова с вазой довела представление до фи-

нальной черты, показав все, на что может быть способна пятнадцатилетняя девочка из сельского поселка (а именно туда она теперь и перебралась – история с Рублевым так не понравилась ее родителям, что те моментально сменили адрес, чтобы не видеть лица ни его, ни его дяди, который и придумал всю эту историю), а шестерка жонглеров успешно завершила программу и никто из них, то есть нас, не уронил ни одного мяча. Наверное, было красиво смотреть на все летающие мячи, кольца, булавы...

Как не хотели зрители расставаться с нашим выступлением, но все-таки пришлось это сделать. Не весь же день показывать им номера!

– ... Вспоминайте цирк, до новых встреч! – напоследок произнесла Любовь Васильевна и звукооператор включил финальную песню в исполнении Олега Попова.

Мальчики и девочки начальных классов встали и, расталкивая друг друга, побрели к выходу в то же время не переставая сводить с нас своих взглядов.

– Поздравляю с дебютом! – обратилась руководитель к Микробной. – Надеюсь, дальше ты будешь заниматься усерднее.

Девочка покраснела до кончиков желтых крашенных волос, по-видимому, вспомнив все свои бесконечные посиделки во время репетиций, и кивнула головой. *«Кивай не кивай, а все равно останешься при своем мнении»*, – подумал я, но вслух ничего не произнес – обидится еще, мячиком зашвыр-

нет. У нее это быстро. Чуть что и мяч уже в глаз летит. Красота!

Упаковали все вещи, и мне, помимо большой сумки с реквизитом для фокусов, вручили еще и чемодан. Ну куда я с такими вещами? Даже в дверь не пролезу. Они-то здесь маленькие (хотя и двойные), да к тому же одна половинка закрыта. Ну, ничего, как-нибудь просочусь. И только я собрался выходить, как в дверном проеме Тужуркина показалась. Я вперед – она ни с места. Стоит, хоть ты тресни: руки в бока и на меня смотрит, а сама улыбается, довольная чем-то, будто коробку конфет съела. И так я пожалел в ту минуту что у меня руки заняты – тогда-то я бы ее за косы подергал! *«Нечего, мол, тут стоять – дорогу загоразживать! Была бы чуточку поумнее, вышла бы туда, где машины ездят, там бы и стояла. Ан нет, ищет, где полегче будет. Стой-стой, достоинься ты когда-нибудь»*. Улыбнувшись еще больше, она, наконец, соизволила уступить мне дорогу, а сама довольная-довольная. Белены с утра что ли обьяелась? Может спросонья в двести двадцать полезла... ну, знаете ли... с выключателем перепутала? Я стал искать какое-нибудь доброе ругательство и, найдя, не замедлил им воспользоваться.

– Ну, ты и растолстела! Даже не обойти!

Что тут началось! Девочка вдохнула в себя побольше воздуха, собираясь сказать что-то неприятное, глаза расширились до пяти... скорее всего до десяти рублей, и она, подняв сумку со своими костюмами, размахнулась и... Я не знал,

что она собирается обрушить мне на голову все свои вещи, так как отвернулся от нее, собираясь уходить. Ко мне подбежала Конарейкина и что-то протарабанила. Я не понял, что и попросил повторить помедленнее.

– Этот чемодан с реквизитом?

– Вроде того, а что?

Она не ответила, подошла ближе, и как раз в этот момент я почувствовал, что шнурки на одном моем ботинке развязались. Присев, я услышал сдавленный свист над головой, глухой шлепок, и что-то черное отскочило справа назад. Подняв голову, я увидел следующую картину: Настя, держась за левое ухо, с гневом смотрит на Свету, а та, совершенно опешив, не знает, что делать. В ее глазах застыло удивление и раскаяние. Хорошо, что мы последними остались в актовом зале, не считая, правда Кешу, который стоял сзади и помигал со смеху.

– Ты что, совсем обалдела? – во весь голос закричала Настя, гневно сверкнув глазами.

– Я... я... – замялась девочка, покраснев и опустив глаза. – Прости, Настенька! Я целилась в этого... – и кивнула в мою сторону.

А я уже спускался по лестнице, и мне было все равно, в кого она целилась. Единственное, что я хотел, так это посмотреть, чем закончится их разборка, но время-то на месте не стоит, а нам еще предстояло выступление в детском садике «Кристаллик», который находился как раз напротив дома

Колошиных.

Когда все вышли из душевной школы и избавились от завяк-старшекласников, которые так и норовили что-нибудь спереть, то собрались вокруг руководителей.

– Вы, надеюсь, не забыли, что нам еще нужно посетить детский сад «Кристаллик»? – спросила женщина. – Кто туда идет?

Все задумались.

– Эх вы! Значит так, со мной остаются Женя, Кеша, Вера, Настя, Света и Игнат. Остальные могут быть свободны!

Сказав «до свидания» и спросив, когда будет следующее выступление, две Оли направились к остановке и через некоторое время скрылись за домами.

– Скажу сразу, – произнес мужчина, – автобуса до пяти не будет.

– То есть, как не будет? – возмутился я. – Мне это, конечно, все равно, так же, как и Вере с Кешей – дом близко: посидим, приведем в порядок мысли к предстоящему выступлению, но как же быть с Анастасией? Она живет неизвестно где, да и Женя от нее не отстала далеко – забралась в какую-то глушь, где и собаки редко бегают. Как им-то быть? И на улице не постоишь – дождь хоть и мелкий, но идет.

– Слушайте, а может, пойдемте все к нам? – предложила Веронике, и ее брат весело согласился. – Сколько сейчас времени?

– Десять минут двенадцатого, – ответил Сергей Дмитри-

евич.

– Как раз и дома никого нет, ну а если кто и придет, то вас мои родители любят и ни в чем никогда не откажут, – обратилась девочка к руководителям.

– Ну, если вы оба нас приглашаете, то почему бы и нет! – отозвалась Любовь Васильевна.

– Только руками ничего не хватать! – напутствовала по дороге девочка, все время косясь в мою сторону.

Что на меня смотреть? Свечусь я что ли, как золотые подушечки из рекламы. Странная она какая-то в этом году. Мало чего осталось от той, прошлогодней Вероники.

Завернув за угол школы, мы остановились. Перед нами раскинулась великолепная картина. Эх, был бы здесь Репин... Всю заасфальтированную дорогу залило водой по самый бордюр, а плюс ямки – настоящее болото. Около подъездов тоже не пройдешь – грязь немереная. Станешь в нее, и ботинку можно помахать ручкой. Налево от дороги можно и не смотреть. Куда ни устремится взгляд – одно «минное поле». Нет, конечно, здесь не было фугасов, оставшихся со времен Второй Мировой Войны, которые даже сейчас попадают кое-где на территории нашей страны, но оставшиеся после выгула собак отходы – это будет пострашнее растяжек. Там зацепил и поминай, кто как знал, а здесь наступил, выгрязнился, выругался, а если поблизости травы нет, то так и шагай по городу. Здесь этих «мин» была тьма тьмушая: и белые, и желтые, и зеленые... на любой фасон и цвет. Мне

сразу же вспомнился хит одной группы. Как ее там звали, дай Бог памяти! А-а, «Три Вована». Точно! «Три Вована»! И песня у них как раз про это. Значит, они поют так:

А кучи, кучи, кучи...

Они ведь липучи,

Но все-таки кучи так вонючи!

Да и на поле кучи... кучи... кучи...

Может, они про это пели, может про кучи копешек сена на деревенском поле... уж не знаю, но только мы туда тоже не пошли. Мало ли какая «мина» к ботинкам пристанет, тогда уж добродушная Вера точно никого к себе не пустит. Еще бы, в грязных ботинках и к себе домой? Ха! Нашли дурочку. Пришлось нам всем обходить вокруг и кое-как пробираться через болото грязи к ее дому.

– А что с автобусом-то случилось? – спросил Иннокентий. – Хотя бы до подъезда довез, а уж там делай, что хочешь!

– Я-то откуда знаю, куда он провалился. Он же все-таки государственный, а не наш собственный. Может куда еще поехал, у нас-то в городе дел много. Вот он и ездит, – предположил я, хотя верилось в это с трудом.

Скорее всего, водитель по своим делам где-то околачивается.

Подойдя к подъезду, Вероника подошла к двери и, нажав три кнопки, открыла ее. *«Как жаль, что пока мы выступали, код никто не догадался сменить!»* Поднимаясь по сту-

пенькам на пятый этаж (лифт кто-то додумался сломать), я вспомнил, как пробежал по ним один раз, будто несколько лет назад, и это почему-то надолго осело в моей памяти. Ну и что здесь такого? Подумаешь, пробежал и что? Вот именно, что ничего. На четвертом этаже, зацепившись за что-то, споткнулась Женя и влетела головой в Светину сумку, отчего та разорвалась пополам, а ручки повисли двумя лентами.

– Ты что, в потемках идешь? Дороги что ли не видишь? – набросилась Света.

– Да я как-то не рассчитала...

– Не рассчитала? А ты знаешь, сколько стоит эта сумка? Сто рублей – пятьдесят копеек!

– Мы не на базаре! – Вмешался Сергей Дмитриевич. – Заканчивайте ругаться, а то Вероника передумает! Нужны вы ей там такие задиры.

Обе девочки покраснели и, не сказав ни слова, собрали вывалившиеся из сумки вещи, побрели дальше вверх. Только сейчас Света держала сумку под мышкой, а оттуда все время пыталась вылезти гряда вещей.

Наконец пришли. Мальчик открыл дверь, и мы прошли внутрь. Я бы не сказал, что здесь супер шик-модерн с евро-ремонтom, но капля правды, несомненно, присутствовала.

Прихожая была устелена красной дорожкой с линейным орнаментом по краям; на стене висел ковер, а около него во всю длину прихожей растянулась полка с пятью секциями, которые были завалены всяким барахлом. Квартира двух-

комнатная, как я определил еще на улице, глядя на окна и застекленный балкон, который мне не очень понравился – кривой какой-то, да и стекла на нем грязноватые – видать Вероника с Кешей совсем дома лодырничают.

Как только сняли обувь, Вероника пригласила всех в зал. Там была поставлена стенка, расположившаяся от одного до другого угла квартиры: за стеклом стояли книги, чуть сбоку от них, за соседней перегородкой, расположился фарфоровый сервиз с пузатым чайником посередине; в центре стоял телевизор от фирмы «Дэво», ну а остальное место, по всей вероятности, занимала одежда, скрытая от посторонних глаз многочисленными дверцами.

Вероника с Кешей удалились на кухню и стали «соображать на двоих» – похоже, решили угостить чайком. Мы же всей компанией расположились на большом мягком диване и двух креслах.

Минут через десять-пятнадцать нас позвали чаевничать, но прежде пришлось мыть руки. Кошмар какой! В ванне было полным-полно всяких мыл «Дура» и шампуней «Доктр энд Дембель» – просто полки от них ломились. На меня даже чуть вся эта дрянь не посыпалась, когда я открыл одну из многих дверец в шкафу. Зачем полез? Только шума наделал.

Оказывается, они сообразили не на чай, а кофе и восемь чашечек уже стояло на столе, дожидаясь только нас. Сели.

– Если кто предпочитает пить кофе с сахаром, то он у нас вон в той белой банке, но лично мы пьем без, – произнес

Кеша.

Я повернулся и увидел четыре баночки. На всех были этикетки с разными надписями. Взяв одну, я открыл крышку и насыпал в чашку две ложки, затем поставил обратно.

– Э-э-э, наглешь! – завозмущалась Женя. – А нам?

– Да он же ведь не вкусный! – улыбнувшись, отозвался я.

– Ты лучше сюда его поставь, а уж потом все решат: вкусный он или нет, – сказала Любовь Васильевна и чуть отпила.

Она тоже не любила кофе с сахаром, чего нельзя сказать про бутерброды. Их расхватали за считанные секунды.

*«Ну что ж, хорошо, – подумал я. – Сами попросились!»*

Встав, я быстрыми уверенными движениями поменял наклейки «Сахар» и «Соль» местами (не зря же я многие годы тренировался манипуляции; да спасибо еще, что они были еле приклеены, а не нарисованы). Повернувшись к столу, я поставил банку на середину и сел, ожидая дальнейших действий. Остальные, ничего не подозревая, насыпали себе по две-три ложки и, откусив бутерброд, отпили немного кофе. Что тут началось: Женя вдохнула воздух и, расширив глаза, кричала: *«Воды, воды!»*; Настя подбежала к раковине и сплюнула туда, хотя чем тут было плевать? Одна только Света сидела на месте.

– Перчика маловато, – сказала она, допивая содержимое. – А так ничего, пить можно!

Она единственная из троих, кто поняла, что в банке соль, но поздно, когда насыпала вторую ложку. Я сразу заметил

ее удивленный взгляд, но девочка ничего не сказала, так же, как и не стала размешивать соль в кофе.

– Да у тебя же здесь соль! – отдышавшись и выпив с литр воды, крикнула Женя.

Настя лишь закивала головой.

– Соль? Как... соль? – не поняла сперва хозяйка квартиры.

Мальчик встал и, заглянув в банку, покушал содержимое, затем сплюнул в сторону и констатировал тот факт, что в ней действительно соль.

– Да как же это? – не понимала девочка. – Сегодня утром я ясно видела, как мама засыпала туда сахар. Куда он подевался?

Кеша, улыбнувшись, косо посмотрел на меня и сказал:

– Похоже, это наш братишка пошутил.

– Он? Почему ты так думаешь?

– А кто же еще мог кроме него? Не Танюшка же.

– Да он ведь здесь не живет. У него своя квартира. Какой ему интерес приходить сюда и делать все это?

– Тогда это Танька.

– Ты что? Думай, что говоришь! У сестры своих забот выше крыши, а ты: «Она, она...»

– Да ладно вам кричать! Расшумелись тут, – вмешалась Любовь Васильевна, понимая, что ничем хорошим это не закончится.

Кое-как перекусив, мы вышли из кухни, и Вера строго сле-

дила за тем, чтобы никто посторонний туда не заходил.

Войдя в комнату, в которой, скорее всего и жили брат с сестрой, я увидел тот самый компьютер, из-за которого все оставили девочку одну дома и она заболела. Жидкокристаллический монитор, дугообразная клавиатура, прозрачная «мышь», компактный системный блок – похоже пентиум четыре, принтер, сканер... Что ж, неплохо, но видали и получше.

Здесь стояло две кровати. *«А где же третья? По-моему, тут проживают трое или нет? Может, старшая сестричка в зале спит? А-а, раскладушка в углу стоит. Все понятно, все понятно».* У противоположной стены от шкафа с одеждой и кроватями, стоял письменный стол, а над ним висели три полки, загруженные школьными книгами и тетрадями. *«Посмотрим-посмотрим!»* – подумал я и, взяв в руки дневник, полистал его и открыл на прошлой неделе.

– Литература. Анализ стихотворения – пять! Оба – отличница!

В комнате появилась Вероника и выхватила из рук школьный документ.

– Как вы могли позволить ему рыться в моих вещах? – возмущенно крикнула она.

Никто ничего не сказал: Света уныло смотрела в окно, Женя заплетала Насте косичку, а та читала недавно появившийся журнал «До балды».

– Значит, у тебя пятерка по литературе? – спросил я.

– Да, в отличие от некоторых.

– И ты, говоришь, хорошо анализируешь стихотворения?

– По крайней мере лучше тебя!

– Сейчас мы все проверим.

Я взял с полки «Лучший сборник стихотворений» и открыл на одной из многих страниц.

– Тогда слушай, а потом объясни!

Девочка хотела было уйти, но передумала. *«Наивная глупышка! Она полагает, что у меня дома нет такой книги, и думает, что стихотворение я выбрал наугад?»* Я стал читать:

И в сарае своем по ночам

Мы вдвоем засыпали несмело.

Одинокий кузнечик сверчал

И горячее сено шумело.

Покраснев то ли от злости, то ли от чего еще, она удалилась на кухню и до самого последнего момента сидела там, предаваясь унынию и воспоминаниям.

Заглянув в ящик стола, я выудил оттуда скомканный лист бумаги. Развернул. Там было стихотворение, да еще написанное самим Иннокентием!

В нашем цирке есть девчонка -

Женею зовут.

Эту Женю на шесте

Носят там и тут.

Даже в школы без шеста  
Цирк не едет никогда!  
А без Жени в детский сад  
Там детишки – прям отпад:  
Киданули огурцом, помидором и яйцом;  
Засветили Вере в глаз,  
Зашвырнули в Настю таз...  
Вот как радовался сад -  
Разломали все подряд!

Есть у нас еще и Света!  
Формой... ну как конфета.  
Вот с комплекцией не то -  
Килограмм она за сто!

Так же с нами ходит Аня.  
В нее влюбился мальчик Ваня.  
Он живет в соседнем доме  
И от девчонки просто в коме!

Что же мне сказать про Олю?  
Здесь нужна стальная воля,  
Чтоб смотреть на то, как всех  
Мажет лаком нас на смех!  
Ты попробуй возразить -  
Сразу станет сильно бить!

И если хочешь долго жить,  
Лучше сразу отступить.

Некоторые были настолько недовольны, что хотели искать спрятавшегося Кешу и наказать за подобные высказывания в их адрес, но он вовремя сумел закрыться в туалете и просидел там до самого выхода из дома. Другие со всем были полностью согласны и ничего не отрицали (в том числе и я).

Как бы мы долго ни сидели, но пришло время собираться в детский сад. Переход у нас занял каких-то десять минут, и ровно в три мы уже развязывали коробки и открывали чемоданы. *«Был бы автобус, мне не пришлось бы таскаться с сумкой!»* Но автобуса не было и еще неизвестно, приедет ли он вообще.

После часового сна и хорошего полдника детишки уже сидели на своих местах и смотрели «Русский сувенир». Настя назубок знала номер и всегда справлялась с ним великолепно. Не подвела она и на этот раз. В таком же спокойствии и с веселым настроением проходили и все другие номера.

Любовь Васильевна больше всего любила выступать в детских садах. Да вы сами посудите: публика – дети, а что им нужно для полного счастья? Удивление, восхищение не сходили с их лиц до самого конца представления. Все сидели с открытыми ртами и удивлялись всему, что мы показывали. К тому же Любовь Васильевна вызывала добровольцев, чтобы те наравне с участниками циркового коллектива поучаство-

вали в представлении и испытали себя в различных жанрах. У детишек выходило это забавно и смешно, и все веселились до слез.

Единственное, за чем я пристально следил, так это за предпоследним номером. Я-то думал: «Что это такое?» Оказалось, собака – пудель – еще один маленький артист цирка. А в цирке, как известно, любая собака могла творить чудеса, если же, конечно, за ними будет особый уход и постоянные тренировки. Здесь, как я увидел, было и то и другое. «Фанта» (так звали черношерстного артиста) превосходно справлялась со всеми трюками, и от этого маленькие зрители удивлялись еще больше, хлопали в ладоши и не скрывали своих улыбок (какой же цирк получится без них!).

Я долго не мог понять, откуда взялась эта самая собака, но потом сообразил. Она все это долгое время находилась в коробке у Сергея Дмитриевича. А я-то все думал, зачем он с ней на улицу выходил несколько раз пока мы тихо-мирно беседовали в доме Колошиных. Вот оказывается зачем. Все стало на свои места, а то было загадкой, почему он с ней не расставался.

Но подошло к завершению и это выступление, хотя расставаться с такой замечательной публикой нам ох как не хотелось. Дети и их воспитатели провожали нас дружественно-теплым взглядом, пока мы не скрылись за углом детского сада.

Было половина пятого и, на удивление, за забором нас

ждал автобус. *«Рановато что-то он!»* Загрузившись и разместившись по удобным местам, мы тронулись в обратный путь. *«И зачем я только сел? Завтра же выступление тут рядом, а я...»*

В пять мы вносили коробки и чемоданы обратно в шатер, а водитель покати́л свой дребезжащий агрегат в гараж до утра.

До шатра нас доехало трое: я и Настя с Женей (руководители не в счет). Вот и придется завтра вставать рано. Ничего, кто рано встает, тому Бог подает.

– Завтра к восьми! – сказала Любовь Васильевна, когда я уходил.

Зачем приезжал?

Домой притопал только в половине седьмого и сразу же побежал на кухню. *«Подумаешь, бутербродами кормили! От одних бутербродов и ноги протянуть не долго!»* Наевшись всего, что можно было приготовить на скорую руку, я, зевнув, пошел спать. *«Как-никак вставать завтра рано, так что лягу прямо сейчас, а то чего доброго еще кто-нибудь с бутылкой завалит. Тогда точно не до сна будет».* На мое счастье, никто не пришел и не позвонил. Даже странно как-то и не похоже на них. Обычно Саня, да и Леха раз пять на день зайдут поинтересоваться, что да как, а тут – ну никого. Хорошо-то как! Лежишь. Тишина. Только вот свет от фонаря прямо в глаза бьет.

Мысли приходили и уходили. Их было так много, что

все не успевали запоминаться и исчезали безвозвратно. Мне вспомнилось все, что происходило сегодня, вчера... Все артисты промелькнули перед глазами, и я пытался разобраться – много ли чего случилось за эти пять месяцев? Все-таки странное поведение у некоторых. Ничего, это только начало. Разберемся. Время хоть и идет, но ничего страшного произойти не должно, а если что и произойдет, то появится новое дело... «О клопах», к примеру.

### День третий

Ровно в восемь я был в шатре. Автобус еще не приехал, но все вещи уже стояли у черного выхода. Их охраняла какая-то девочка. Я присмотрелся получше – да это же Ксения Скалкина! Точно, она. Еще один бывший, да и настоящий жонглер. И чего ее в школу потянуло? Вроде никогда не ездила, а тут нате пожалуйста!

– Сегодня еще Паша должен прийти! – сказала Любовь Васильевна.

– Какой? – спросила Женя.

– Да Злобонервный. Он вчера мне два раза домой звонил и уверял, что сегодня подойдет к школе к девяти.

– А он дорогу-то знает? – поинтересовалась Настя, принеся последнюю сумку и став рядом с Фоменковой.

– А что там знать? – удивился я. – Это вам не ларек какой-нибудь с крупой, а школа. Такое здание там каждая со-

бака знает! Надо быть чересчур одаренным, чтобы не найти его.

Минут через двадцать тряски в автобусе, мы подъехали к школе. Микробывая, Колошина и Тужуркина уже стояли там и о чем-то оживленно беседовали. Злобонервного не было! Увидев подъезжающий автобус, они подошли ближе и помогли нам справиться с чемоданами.

Как же я давно здесь не был. Вот уже почти год прошел, как я сдал последний экзамен и, получив приличный аттестат, покинул пределы родной школы. А за одиннадцать лет пребывания, я исходил ее вдоль и поперек миллион раз. Да, здесь было что вспомнить. Много произошло событий и хороших, и плохих, связанных с одиннадцатой средней школой города. Вот, к примеру, однажды, «по чистой случайности», в ней прорвало трубу и почти на неделю занятия были отменены, зато как мы после этого нагоняли упущенные часы! Лучше бы ее не прорывало! Ну да ладно, что я о грустном. Нужно вспомнить что-нибудь самое-самое, к примеру наши уроки немецкого языка с Еленой Павловной, на которых мы ничего никогда не знали... Да что там немецкий, вот русский-литература с Юрием Михайловичем – это совсем другое дело. Там-то мы раз в месяц рот открывали, правда, не всегда правильно, но с нас больше и не требовали. Все-таки четыре парня на шестнадцать девчонок – это вам не хухры-мухры. Так что по большей части все шишки на них сыпались, особенно под конец февраля, в день защитника оте-

чества.

Охрану в школе поставили какую-то твердолобую – еле разобрались, что мы из цирка, а не террористы-захватчики и даже не школьники-переростки. Не попремся же мы на уроки с такими чемоданами!

Актный зал у нас всегда хромал, впрочем, как и все остальное, но благодаря новому завучу Подобеду, которого так и звали: «под обед», школа улучшила свои показатели по санитарным и техническим нормам: появились новые занавески, все заново покрасили и отполировали, повысилась зарплата учителям, директору... Но вот до актового зала так и не добрались с финансами (похоже все на лестнице посеяли), разве что на сцене сделали что-то наподобие кулис. И все же я был доволен за свою школу, хотя здесь не изменилось практически ничего, да и учителя остались прежние. Вот только учительница по алгебре-геометрии на пенсию ушла, а уж как ее «любил» наш класс, души просто не чаял, а тут – на тебе. Мы ушли и она за нами. Разве бывает такое? Значит, бывает. У нас возможно все!

В пятнадцать минут десятого, я, как бывший ученик этой школы, показал, где находится туалет. Из восьми работало только два: один для мальчиков, другой для девочек (во, довели учебное заведение)!

Спустившись с третьего этажа и выйдя на улицу, я осмотрелся. Паши не было. Нет так нет, чего расстраиваться по всяким пустякам, не один же он выступает. Никто из зрите-

лей и не подумает, что кого-то может не хватать.

В назначенное время началось представление. Детей собралось – человек сто. Сняли с уроков все первые, вторые и третьи классы, хотя некоторых родители и не хотели отпускать, но те настояли и правильно сделали, ведь где им еще увидеть такое незабываемое по красоте и мастерству зрелище, особенно когда артист – такой же самый ребенок, ну может только чуть постарше.

Паши не было!

– Где шатается этот мальчишка? – грозно шептала за кулисами Любовь Васильевна Сергею Дмитриевичу. – А набивался, говорил: «Я буду выступать!» И где он теперь? Спит дома или плюшки лопает? Хотя бы не врал, что придет – спокойнее было бы, а то думай, где он провалился.

– Да что с ним может произойти? – так же тихо ответил ее муж. – Сидит он дома, и плевать хочет на все наши дела!

– Ничего, вот только репетиция будет, я все ему выскажу! Пусть знает, что я о нем думаю!

– Да он может и на репетицию не прийти. Помнишь, пару лет назад был у нас такой: пропустит выступление, так недели две не ходит – боится. Потом опять придет как ни в чем не бывало.

Мальчик появился в актовом зале только к концу пятого номера и минут двадцать сидел в одном из кресел, не решаясь подойти. Его позвала Настя.

– Ты что, совсем обнаглел?

Похоже, это была ее коронная фраза.

– Знаешь, сколько сейчас времени и что...

Ее перебил звукооператор.

– Тебе когда сказали приходить?

– К девяти!

– Так, где ты был?

В это время за кулисы вошла Любовь Васильевна и сразу же набросилась на мальчика:

– Ты где был? – прозвучал вопрос во второй раз.

Я улыбнулся, вспомнив рекламу: «Пиво пил!»

– Да здесь, за домом, у ларька со сладостями.

– За домом? – удивилась женщина и разгневалась еще больше. – И ты можешь вот так спокойно об этом говорить? Ты представляешь, что чуть не сорвал нам выступление. Если не хочешь выступать – не берись, без тебя обойдемся!

– Но я же ждал вас здесь, за школой и не видел, как вы прошли.

– Нужно было как Ксения, подъехать к шатру! – возразил мужчина.

– Но мне-то ближе отсюда!

– Значит, и ждать нужно у дверей школы!

– Вероника сказала, что ты ей звонил, обещал зайти! Почему не пришел? – спросила руководитель.

– Я хотел, но потом передумал.

– Ну и иди в таком случае, дальше стой у ларька с конфетами!

Что там ему еще напутствовали, я так и не узнал, так как подошли «Фокусы», но я видел, как покрасневший Паша выбежал в зал из-за кулис, стремглав понесся к двери и исчез за ней. Теперь понятно, почему у него фамилия Злобонервный.

Вот про кого Кеше нужно было писать:

... килограмм он за сто!

Он, пожалуй, даже больше Светы и чем-то смахивал на чересчур переупитанного Карлсона: с большим-большим животом, такой же головой, пухлыми руками и ногами. Точная копия, вот только летать еще не научился, но это дело можно исправить. Если его сравнивать, то выйдет, что в него сможет поместиться вся Вероника целиком и большая половина Иннокентия.

В общем, в этот раз мы справились без него, хотя Вероника все время жаловалась на то, что все же лучше, когда он выступает, а в некоторых местах можно даже спокойно переодеться! Чем лучше?

Высушив в стороне от руководителей бутылку газировки за свой одиннадцатый дебют, Ольга Микробывая, икнув и закрыв от удовольствия глаза, отнесла свой костюм в чемодан и, закрыв его, поставила на край сцены. Оделась и... достала вторую бутылку! И как у нее живот не пучит после всего этого? Да и дойдет ли так спокойно как хотелось бы до своего дома? Где-то когда-то я читал про то, что все-таки на самом деле добавляют во все эти газированные напитки. Хорошо, что дом ее находится недалеко, тут, за базарчиком.

– Ну вот, осталось еще одно выступление – и все! – сказала Любовь Васильевна. – На сегодня гастрологи будут закончены, а для Оли они уже сейчас подошли к концу! Значит так, тебе прийти завтра к девяти часам к дверям тридцать пятой школы и не стоять где-то за углом, а только у дверей. Все понятно?

Девочка кивнула головой и, взяв свой чемодан, вынесла его на улицу. Мы последовали за ней, по пути уточняя предстоящие дела:

– Вероника, – обратилась к ней руководитель, – а сегодня нам можно переждать у тебя пару часиков? – и, взглянув на часы, добавила. – Всего чуть больше трех.

Вероника в смущении опустила голову и прошептала так тихо, что все остальные еле услышали ее голос и разобрали слова.

– Извините, но как раз сегодня к нам приехали родственники...

– Все понятно, – перебила ее женщина.

– А-а-а, кстати, у меня нет никого дома, – вспомнил я. – Да и «Русская сказка» недалеко от стен дома. Пойдемте ко мне, если, конечно же, хотите!

Вышли на улицу. Автобуса не было и в помине. Видать водитель опять где-то «бабки сшибал» на «халтуре».

– Что ж, – сказала руководитель, обращаясь к мужу, – есть предложение пойти к Игнату! Пойдем?

– Ну, если предлагает, то почему бы и нет. Где ты гово-

ришь, твой дом находится?

Я указал на одну из многих девятиэтажек, и мужчина воскликнул:

– Так сад ведь почти рядом! В минутной ходьбе от дома Игната!

– Я же вам говорил.

– Значит, пойдем? – спросила Любовь Васильевна.

– А у нас разве есть другой выбор? – вопросом на вопрос ответил мужчина.

– Кхе-кхе... – прокашляла Вероника, привлекая к себе внимание. – Можно, я пойду домой?

– Ты разве забыла, что нам нужно договориться о завтрашнем выступлении и переделать кое-что.

Она опустила голову.

– Помню, но...

– Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!

– Я понимаю...

– К тому же мы не договорились о номерах, которые пойдут пятого и восьмого. Ты думаешь, у нас будет еще время вот так просто посидеть?

Девочка ничего не ответила и пожала плечами.

Первым пошел я и заторопил всех остальных, так как на небо выплывала громадная черно-синяя туча, которая должна была вот-вот разразиться сильным ливнем.

Всем, кроме Оли пришлось идти со мной – на этом настояли руководители, а девочка, схватилась за живот (види-

мо процесс брожения уже пошел) и с чемоданом побежала в сторону дома.

Вшестером, под удивленным взглядом Гавриила Максими́ча, забивавшего «козла» с его «ребятами», мы вошли в подъезд и остановились около лифта.

– Скажу сразу, – начал я, – лифт у нас бешеный в прямом смысле этого слова. На каком бы этаже не была бы нажата кнопка, он все равно приедет на мой – третий. Если вам повезет и вы, все же, дождетесь, нажимать нужно не на третий, а на первый, так как в этом случае он приедет на третий, но не сильно тыкайте, а то вас занесет на девятый, а оттуда лифт вообще никуда не едет. Все понятно?

Хотя понять было сложно, все закивали головой, а я пошел пешком – уберусь дома пока они кататься будут.

Минут через десять раздался звонок. Добрались наконец-то! Впустив всех – закрыл дверь.

Моя квартира особо ничем не отличалась от других, но и скучной ее тоже назвать было сложно. Сняв обувь, все прошли в зал. Здесь я, к сожалению, не доделал ремонт, начавшийся в начале года, но дело заметно продвигалось в гору: большой буквой «Г» шла «стенка», состоящая из тринадцати секций и шести книжных полок; за отодвигающейся дверью одной из них стоял цветной телевизор от русской фирмы «Самсон и Ко»; напротив него выдавший виды старенький потрепанный диван (похоже, с прошлого столетия, который я еще не успел заменить на новый); под ним – ковер с изоб-

ражением не то Геракла, не то какого еще существа, но ясно было только одно, что в одной руке он держал меч и щит, а в другой пиво и воблу – «идеальное сочетание» (и как помещалось все это в двух руках).

Разместившись удобнее и осматривая помещение, руководители завели разговор о предстоящих выступлениях и тех номерах, которые должны пойти. Меня это как-то особо не волновало, так как кроме фокусов и жонглеров у меня пока ничего не было, и я отправился на кухню посмотреть, что имеется в закромах.

Оказалось немного: половина съеденного Саней вафельного торта, о котором я как-то позабыл, иначе до сегодняшнего дня он бы не дожил; сваренная позавчера целая курица (правда немного подсохшая, но ничего страшного); двадцать пакетов быстрорастворимого супа от морфирмы «Души рака»; ну и пол палки колбасы. Куда подевалась вторая часть, ума не приложу. Может, мыши сперли? Они у нас иногда пошаливают, так что это вероятнее всего.

Так вот, я сделал всем по чашке супа с колбасой и курицей, и отнес все в зал.

От досады Вероника опустила голову и притронулась к еде после того, как все остальные попробовали ее на вкус. Видимо стыдно стало, что одними только бутербродами кормила. А что поделать, если ничего другого у меня просто нет? В холодильнике «шаром покати», имею в виду для тех, кто любит перекусить на бегу. Но если все же хорошо при-

смотреться и никуда не спешить, то можно обнаружить и свежемороженую рыбу, и такое же мясо, банки с горошком, кукурузой, пару десятков яиц (на «черный день») и всякое другое барахло, от которого у меня живот уже крутит.

Закончив с небольшим, но вкусным обедом, некоторые завернули в другую комнату. Что их туда понесло? Вроде ничего интересного там не было – всего-навсего небольшая зеркальная «стенка», от окна до стены, с пластиковыми дверями, открывающимися в стороны, да еще и вовнутрь. На ней все те же книжные полки с зарубежной приключенческой фантастикой и русской комедией. Рядом – стол, с коробками для фокусов и разным столярным инструментом. Тут же два складных кресла, между которыми большой комод с антресолю советского образца. В общем, обычная комната обычного мальчишки. Что особенного? Но Женя с Настей удивились.

Ладно, Бог с ними, если бы они просто стояли, смотрели, так нет, все им нужно потрогать и пощупать. Какие дети пошли, хулиганы просто! Настя подошла к столу и, открыв крышку коробки, посмотрела внутрь. Пусто! Закрыла. Тут не выдержала Женя и тоже заглянула. Мало ли какое потайное отделение отыщется! Но будь я не я, если бы не умел маскировать все секреты подальше от посторонних глаз. И как только девочка откинула крышку, к самому потолку взлетел праздничный салют, удачно вмонтированный «Макаром», и осветил все самые темные углы комнаты разнообразной па-

литрой красок. Девочки перепугались, но больше всех рядом стоящая Фоменкова, которая подскочила на месте и схватилась за сердце. Подумав, она отошла в сторону на всякий случай. А из коробки вырвалось еще три фонтана и на этом все пока закончилось, но ненадолго. Буквально через пару секунд оттуда вылетело два блестящих шарика. Они разлетелись в разные стороны. Один попал в зеркало и, отрикошетив, ударил Настю в плечо. Другой угодил Евгении прямо в лоб и та, потирая ушибленное место, поспешила уйти из комнаты, чтобы не нарваться на другие неприятности. Лежащие на полу шарики продолжали кружиться на месте, разбрасывая в стороны разноцветные снопы искр.

Улыбнувшись, я поспешил вслед за удаляющимися из комнаты гостями. *«В следующий раз будут осторожней, хотя следующего раза может и не быть. Похоже, это первый и последний случай, когда они в моей квартире»*. Когда я появился в зале и посмотрел на остальных гостей, то увидел, что поза Светланы совершенно не изменилась, а прошло уже больше часа! Девочка, как всегда, была чем-то расстроена, задумчива и с грустью смотрела в окно, на макушки деревьев, по которым нещадно хлестал дождь. Ее взгляду позавидовал бы любой академик – такой сосредоточенный, серьезный... О ком она только думала? Явно не о нашем коллективе и уж точно не о школе. Здесь нужно копать глубже! Ладно, оставлю ее пока в покое, а то набросился со зла, придавит своим весом. Так ведь можно и в лепешку превратиться!

Просидели мы почти до трех часов и, похоже, никто (кроме Тужуркиной) не тужил ни о чем, как было у Вероники. Все-таки как говорил Алексей:

– Твоя квартира единственная из всех наших, которая чем-то притягивает к себе как магнит. Побывав в ней раз, хочется прийти еще!

– Может быть, здесь присутствует какая-нибудь мистическо-гипнотическая аура? – рассмеялся тогда я.

– А что, все может быть.

– Да-да, точно, вот представь, сидят дома мои старички в двенадцать ночи и при свечах колдуют!

В то время мы весело над этим поохотали. Теперь же я думал: *«А что, может и действительно сидят, так как всем, кто приходил к нам в последнее время из знакомых, хотелось попасть сюда еще. Может, кормили хорошо? А может, дело в электропроводке? Хе-хе...»*

– А где тут у тебя выключается свет в туалете? – спросила Вероника и вывела меня из мечтательного сознания.

– Да там две «вилки» висят, не понятно что ли? Одна белая, другая... тоже белая. Вторни какую-нибудь одну в розетку и узнаешь... много чего узнаешь!

Она ехидно посмотрела на меня и ушла. Почему говорит, что у меня ехидный взгляд? Взглянула бы со стороны на себя, поняла бы, что не один я такой.

Вдруг раздался треск и испуганный крик девочки. Все моментально подбежали к ней.

– Что случилось? – спросил Сергей Дмитриевич.

Вероника молчала и показывала на розетку и две белые «вилки».

– Что там? – спросил он.

– Господи, да что там может быть? Проводка плохая! Никак руки сюда не дойдут. Идут, идут, а дойти не могут! Подумаешь, лампочку в туалете разнесло и чуть током тряхануло, не смертельный же он, сам проверял. А насчет лампочки... так это пустяки!

Я вытянул белую «вилку» и всунул другую «белую» вилку. В ванне бухнула лампочка и засыпала стеклом пол.

– Вот видишь, все нормально! – успокаивающе обратился я к девочке.

– Все нормально? – произнесла руководитель. – И ты еще будешь говорить, что все нормально?

Я взглянул на часы и перебил женщину:

– О, пять минут четвертого! Пора уходить!

Все посмотрели на меня, будто я задолжал им кучу долларов и решил никогда не отдавать, а Вера сверкнула глазами так, словно хотела разбить руку о мой нос. Я даже отступил назад. Мало ли что случится в душе у этой маленькой девочки. Она, скажем вам, не подарок!

Оделись и выходили молча. Каждый думал о чем-то своем, и никто не хотел мешать другому, поэтому и до садика добрались быстрее, чем вчера.

У дверей, под козырьком, стояла Мерзлякова с Колоши-

ным, который, скорее всего, рассказывал анекдот, так как на лицах обоих сияла улыбка.

– А где Ксения? – спросила девочка, когда подошли мы и стали подниматься по ступенькам.

– Ты что, очнись! Какая Ксения? Она еще после выступления в школе домой поехала или ты забыла, что она в детских садах не выступает? – удивилась Вера.

– А я только ей анкету принесла...

– Молодец, неси обратно! – крикнул в ухо Кеша и подошел к сестре.

– Ты где была? Чего домой не пришла, обещала же ведь!

– Я бы с радостью пришла, да руководители уговорили остаться, так как нужно было решать вопрос о предстоящем выступлении. А дома там как?

– А что дома? Дома все нормально. Дядя обратно в Москву уехал, а тетя с сестрой квартиру пошли подыскивать. Скоро переезжать собираются.

– Да ну? Вот не думала, что это произойдет так быстро. Я-то уж к ней и привыкла. Правда не всегда в мире живем, но все это не важно. Теперь же совсем заскучаю. От тебя ведь никакой пользы в доме. Вчера мама пять раз сказала мусор вынести. Пришлось мне идти! Ты же не в состоянии был оторваться от своей игрушки на компьютере!

– Ладно, сестричка, не бузи, все же хорошо закончилось!

– Для кого как.

Вошли внутрь. После прохладного (после дождя) воздуха

на улице нас обдало жаром. *«Ну и отопление у них, – подумал я, – градусов тридцать, не меньше! Зачем такую сауну устраивать?»*

Быстро переодевшись, все приготовились к выступлению, до которого оставалось минут семь.

Нас разместили в одной из многочисленных комнат, также хорошо отапливаемой.

Иннокентий первым делом полез в ящик стола, за которым расположился, и выудил какую-то замусоленную коробку с надписью «Логическая игра».

– Оба, может, сыграем?

– Положи на место! – прикрикнула сестра. – А вдруг кто войдет?

– Войдет – положу!

Девочка закачала головой и больше не стала приставать к братцу.

Тот распотрошил коробку и нашел мятый кусок правил игры.

– Значит так, – сказал он, еле разбирая слова на листке. – В игру нужно играть только втроем, а... пятый игрок? Хм-м-м... Пятый игрок? Не понял! ... пятый игрок кидает «кость» на поле, в то время как седьмой человек следит за игроками, дабы те не присвоили лишнюю фишку, за которую расплачивается банкир (то есть игрок под номером шесть). После выхода фишки на поле игрок берет кости и раскидывает по площадке. Тот, кто набрал больше всех, передвигает свой

жетон-фишку в более удобное расположение к противнику. Так продолжается до тех пор, пока либо не закончится игра, либо не уснут игроки и их судьи. Все понятно?

– Да, лучше некуда, – ответила Аня. – Ты еще такую домой купи, я тогда...

– А что, возьму и куплю! Сколько она там стоит?

Он посмотрел на заднюю сторону коробки.

– Всего-то двадцать два рубля сорок копеек.

– Чего? – удивилась Света (похоже, и ей игра понравилась).

Мальчик посмотрел еще более внимательно.

– Да, двадцать два-сорок здесь.

– А год какой? – поинтересовалась Женья.

– Две тысячи первый. А-а-а, я просто значок доллара пропустил! Всего-то навсего.

– Чего? Доллара? – спросила Аня.

– Да. А что тут такого? Подумаешь – полторы тысячи стоит.

– Ужас какой, – пробурчала Света.

– Ну и детки пошли, – проговорила Вероника. – Мозговатые все какие-то, с экстренно-ускоренным развитием головы и кошелька.

После «Русского сувенира» и репризы «Кто кого», на так называемой сцене из одного единственного ковра, появилась Фоменкова, чуть не забыв снять чешки (что являлось непростительной ошибкой), в которых, как говорила девочка, она

грелась. Лучшее этого номера было, конечно же, следующее, «Кабаре» в исполнении Анастасии Конарейкиной, которая, как всегда, была великолепно. Вот с «Вазой» дела обстояли немного хуже, чем с «Пластическим». Как оказалось, растяжка у Жени – хуже некуда. Чем только спрашивается, на репетициях занимается? Колесо, так же, как и мостик, желали лучшего, но так как девочка постоянно забрасывала как этот номер, так и все свои трюки и часами напролет разговаривала с Вероникой, Аней, Настей и прочими о каком-то новом суперблокбастере «Герман Плотный, он же Григор Подтер», то результата, как все понимаете, ждать было бесполезно.

После репризы с коробкой конфет эквилибристка на цилиндре Вероника Колошина никак не могла на него встать, но к счастью, после третьей попытки это у нее получилось, и дальше по сюжету я не заметил никаких отклонений. Правда, жонглируя цветами, она все же заехала одним Свете по затылку, но изловчилась и поймала его почти у самого пола, чуть не свалившись в четвертый раз.

Вот «Фанта» – это да! Она порадовала как маленькую публику, так и их воспитателей, проделывая различные трюки, которые вырабатывались долгими тренировками, в отличие от некоторых артистов с вазами. Зрители оживились и смотрели во все глаза. У них еще долго останутся незабываемые впечатления! И на закуску мы предложили жонглеров в старом варианте (новый, занимающий, по постановочным дви-

жениям, большую площадь, решено было оставить исключительно для школ и выездных гастролей за город). После собачки дети уже не дремали и досмотрели жонглеров до конца, хотя один все же уснул и едва не свалился со своего стула. Хорошо, воспитательница вовремя среагировала.

– Мы с вами не прощаемся! – говорила руководитель. – Ведь недалек тот день, когда мы снова придем к вам в гости.

*"Ага, и покажем кривые колеса и полушпагаты Евгении Фоменковой! В отличие от нее ни Света, ни Вера такого делать вообще не умеют. Зато профессиональный цирк! Смешно. Кто это придумал? Посмотрели бы на нас сейчас, засняли бы все и превратился бы наш профессиональный цирк в просто цирк",* – думал я, снимая костюм жонглера.

Собрались намного быстрее, чем даже пришли. Все время подгонял Сергей Дмитриевич. Да и детишки проворные оказались – чуть мячи не сперли. Хорошо вовремя заметили, а то ушли бы они с концами и никто их больше и не увидел бы.

На улицу выскочили как ошпаренные – прямо под дождь. А что делать? Идти-то надо. Мужчина достал заранее припрятанную полиэтиленовую накидку на коробку с магнитофоном и, обернув ее, пошел к автобусу, который, наконец, приехал и стоял метрах в ста от детского сада (не мог дальше отъехать). Мы все поспешили к нему, чтобы оставить там вещи до завтрашнего выступления.

– Где ты ездешь? – спросил Сергей Дмитриевич у водителя. – Из-за тебя нам приходится сидеть дома у наших ар-

тистов!

– А что в этом такого? – удивился тот. – Я, может, дополнительные деньги зарабатываю! Вчера, к примеру, на свадьбу был приглашен гостей отвезти. Сегодня – на похороны ездил. Вон, под сиденьем даже елочные ветки остались.

Все посмотрели туда, куда указывал водитель. Действительно, под одним сиденьем лежали три ветки из недавно срубленной елки, о чем свидетельствовал свежий запах хвои в салоне автобуса. Однако туда почему-то садиться никто не захотел.

– Ну а ты? С нами или домой? – обратилась руководитель.

– Да домой, наверное. Что мне в шатре деталь?

– Тогда и костюм у себя оставь! – и она протянула его мне обратно. – Не забудь, завтра к девяти к тридцать пятой школе! Запомнил?

– А что тут запоминать? Я же не вчера сюда переехал.

– Ну, смотри, не подведи, как некоторые!

Автобус уехал. Вероника, Аня, Кеша и Света тоже разошлись по домам, а мне как-то и спешить было некуда. Все равно промок до нитки, пока с Любовью Васильевной разговаривал. Те же умные побросали свои вещи в машину и ходу под зонтиками. Кушать, что ли, захотели? Не знаю, вроде ели нормально во время перерывов между номерами, да и у меня дома неплохо пообедали. Так нет, Свете все мало. Она из дома бутылку компота принесла и два батона с колбасой, сыром и маслом (сама же все впоследствии и съела). Куда в

нее столько вмещается? И так ни в один костюм не влезает, а если влезает, через номер-два глядишь, а он по всем швам трещит.

Дома пришлось все в срочном порядке сушить, развешивая над газовой плитой (отопление шутники-коммунальщики отключили) – за ночь же должно высохнуть! И только я собрался чай пить – раздался звонок в дверь. *«Даже минуту в одиночестве не дадут провести и как они умудряются попасть в ненужный для меня момент?»*

За дверью стоял Саня. Один, как ни странно.

– Где был? – спросил он, входя в квартиру.

– Догадайся с одного раза!

– На выступлении.

– А если знаешь, зачем спрашиваешь?

– А вдруг где-то еще. Может, у какой девчонки сидел, чай распивал.

– Чай я могу и дома попить, хотя мне и это не всегда удается. Ходят тут всякие... Ты чего пришел?

– Да так, со скуки.

– Со скуки?

– А что тут такого?

– Да ничего особенного. Лучше бы от безделья книгу какую-нибудь прочитал! Может и просветился бы.

– Купил я книгу одну, купил – по ремонту и эксплуатации автомобиля «КАМАЗ». Она так и называется «КАМАЗ с утра». В картинках.

– Как как? – переспросил я.

– «КАМАЗ с утра», а что?

– Да нет, ничего, просто другое название слышалось.

– Нет, ты точно со своими фокусами свихнешься. Это же кому сказать – сделать восемь коробок и не выступить ни с одной, но делать еще!

– Слушай, – я оглядел его более внимательно. – А почему бы и тебе не прийти в наш коллектив! С ролью Батьки Вспыхвинского ты справился великолепно, а у нас как раз требуется еще один человек моего роста для поддержки гимнастки на шесте Евгении Фоменковой.

– Ты что, одурел? Какой из меня артист? Думай, прежде чем сказать! Нужен мне этот цирк. Что я там забыл? Я тебе не артист и уж тем более не...

– Может пивка? – перебил его я.

– Не откажусь. Давай!

– А может... шест?

Я знал все слабости своего друга и то, от чего он никогда не откажется и теперь он не знал, что ответить. С одной стороны бутылка пива никогда не помешает, но с другой – держать шест с этой самой Женей, в которой килограммов больше, чем в самой Тужуркиной (но на вид она тянула только на двадцать)... Все эти размышления и выбор были для Саши как-то немислимы, и он долго стоял, перебирая варианты и их последствия в голове, прежде чем выдать окончательный ответ:

– Ладно, наливай!

Голос был неуверенным, но четким, и это давало надежду на то, что он и впоследствии не откажется от моего предложения.

– Нет, сейчас я ничего наливать не буду, так как у нас еще впереди семь дней гастролей, но после этого, я уверяю – налью и не один раз!

Он улыбнулся и исчез за дверью. Видимо, все еще продолжал размышлять над моими словами и над тем, правильно ли поступил, согласившись на участие в цирке.

– Нам нужен кто-то еще твоего роста! – говорила когда-то Любовь Васильевна. – Скажи своим друзьям! Может, кто и согласится. Шест тоже неплохое зрелище.

Но это было тогда, когда коллектив был маленьким и не прошли страхи перед бандой «Таракана». Теперь поменялось все. Добавились новые номера, как сложные, так и не очень (для самых маленьких и недавно прибывших артистов); пришло большое количество новых девчонок и мальчишек (как я убедился на выступлении в шатре пару дней назад). Но исполнять номера по-прежнему было некому. Бывают же такие случаи!

Сев за стол, я поднял кружку с теплым чаем и... раздался звонок!

– Нет, его точно нужно отключить! – пробурчал я, подходя к двери.

Там оказался Леша – сосед по дому. Мой подъезд как раз смотрел в его окно, и идти было не больше десяти секунд. Вот только ходил он часто не тогда, когда нужно.

– Ну а тебе-то что?

– Особо ничего. Я тут новый пасьянс из интернета разучил – хотел показать!

– Нашел время!

– А ты занят?

– Да – чай пью.

– Ха! Чай подождет!

– Пасьянс тоже.

– Скучный ты! К девчонке какой бы сходил! Видимо, кроме фокусов ни о чем другом думать не хочешь.

Опять эти фокусы. На них что, свет сошелся?

– И ты туда же? Иди-ка домой, может, что еще в интернете разучишь! Да и мне новые биографии фокусников подкинешь, а то те, что в прошлый раз приносил мне, уже не нужны.

– Так что, я зря их распечатывал?

– Почему же? Теперь я знаю о фокусниках чуть больше.

Он как-то косо посмотрел на меня и, пожав плечами, сказал:

– Ладно, допивай свой чай, а я... так уж и быть, в школу зайду – наши-то в волейбол сегодня играть будут – меня звали.

Спровадив, наконец, и его, я занялся подстывшим чаем,

но тут меня перебил телефонный звонок.

– Сейчас точно кому-то уши намылю! – произнес я, подбегая к аппарату и хватая трубку.

– Саня не заходил? – послышался голос Миши, того, кто когда-то любезно предоставил свою машину для операции «Антиревизор».

– Был, но ушел.

– Давно?

– Пять минут назад.

– Вот, е-мое, опоздал!

– Может что передать?

– Нет-нет, я лучше зайду...

– Так у меня звонок не работает!

– Тогда перезвоню...

– Телефон тоже работать не будет!

– А что такое?

– Ремонт.

– Ясно. Ладно, завтра придем!

В трубке послышались гудки.

*«Завтра придем!» – подумал я. – ... придем! Неужели собирается ко мне вместе с Денисом, который в прошлом году сломал мне раскладушку, вообразив, что она батут. Нет уж, спасибо, такие гости мне не нужны! После них я целый день заварку от чая по всей квартире собирал и их макароны за балкон выкидывал. Это же нужно было додуматься насыпать в полкастрюли макарон полкило соли. Отвращение*

*нашло такое, что мне не хотелось даже смотреть, когда они пробовали первые ложки и, сморщив ужасную физиономию, сплевывали в сторону».*

В общем, чай мой остыл окончательно, и мне пришлось подогревать его заново, а чтобы больше никто не мешал – отключил все, что было можно. Подняв настроение новым, в квадратик, чаем от «Брук Бонда», я решил заняться фокусами и подготовкой к отчетному выступлению, перед нашим мэром на подтверждении звания профессионального цирка, которое состоится, как говорила Любовь Васильевна, где-то через месяц, если, конечно, все будет хорошо. А что может быть плохо? Наши артисты? Может быть. Одна подготовка Евгении Фоменковой чего стоит. А Светы? А Веры? А других совершенно необученных, только что пришедших детишек? Меня, в конце концов! Ну, я-то ладно, я сам научусь чему смогу. Разве у Любви Васильевны найдется столько свободного времени на каждого отдельного артиста?

Начитавшись аж до двенадцати ночи и спланировав предварительную программу, я не выдержал и... уснул! Прямо за столом. Странно. Спать вообще-то не хотелось!

## **День четвертый**

Вот чем я не люблю пятницу, так это из-за того, что все время просыпаю в этот день. Так случилось и сейчас. Из намеченных семи часов я встал в восемь. Быстренько сообра-

жив на одного еды, взял нужные для выступления вещи и вышел из квартиры.

Круглая луна укатилась далеко на восток, а солнце пока еще не встало и поэтому не удивительно, что было прохладно и грозило новым дождем.

Спеша к тридцать пятой школе, я так задумался о предстоящем выступлении, что меня чуть не переехал мусоровоз, который вовремя дал сигнал, и я поспешил на тротуар. С чего бы он тут ездил? Сколько раз не ходил, никогда его здесь не видел. Может, просто поздно бываю?

Пришел я, конечно, самым первым, что удивило. Вроде шел не спеша, «ловил ворон», рассматривая окрестности, и тут на тебе – в числе первых! Подождем, но я за домом у лавки с пирожными стоять не буду, как некоторые.

Скоро невдалеке показалась Мерзлякова, которая быстрыми уверенными шагами приближалась к школе. Эх, жалко же мне ее стало в тот момент, особенно новую прическу – небось, не один час перед зеркалом провела. Как Вы знаете, все любят сокращать дорогу, сводя ее до минимума. Так поступила и наша девочка, но она-то и не догадывалась, что с ней произойдет! В тот самый момент, когда она, веселая, со слегка развевающимися от небольшого ветерка волосами, проходила мимо того самого мусоровоза, который чуть не сшиб меня на дороге, случилось непредвиденное, чего не мог предугадать даже я! В машине что-то щелкнуло, засветило, и на Аню, как гром среди ясного неба, посыпались

какие-то кульки и полилась неприятного цвета вода. Девочка взвизгнула, отпрыгнула в сторону и стала с отвращением стряхивать с себя весь мусор, нечаянно вывалившийся из контейнера.

Из-за шума мотора, водитель, естественно, ничего подобного не услышал и, справившись с работой здесь, поехал к следующему дому. Вот отсюда правило: «Дети, не ходите около работающих мусороборщиков»!

Аня стояла в полном оцепенении и не решалась двинуться дальше. Выглядела она хуже прежнего: волосы мокрые, липкие, с плеч свисают какие-то ленты и тряпки, в голове запуталось что-то похожее на водоросли. Но, как я рассмотрел, румянец не сходил с ее щек. Мне стало жалко девочку, попавшую в такую передрагу, и я стал приближаться к ней, доставая из кармана припрятанный на всякий случай носовой платок таких размеров, что его могла бы носить даже моя бабушка, собираясь в огород на дачу или просто по магазинам.

Меня она не видела, так как стояла спиной к школе, откуда шел я и поэтому неудивительно, что она не на шутку перепугалась, когда я поравнялся с ней, положил руку на плечо и произнес:

– Помочь?

Она посмотрела на меня холодным взглядом и отвернулась. Я почувствовал, что Аня вот-вот заплачет и прикрыл ее голову белым платком. Не знаю, как она отреагировала, но, во всяком случае, не сбросила его (похоже в таких случаях

подойдет любая помощь, даже моя), а хорошенько вытерлась и протянула его мне обратно.

– Нет уж, спасибо! – возразил я. – Можешь оставить себе на память. Мне он уже не понадобится.

Девочка хмыкнула и повесила платок на ближайшее дерево – может, и правда кому-то понадобится.

Сейчас она выглядела более унылой, мокрой и растрепанной, будто только что из душа, но на щеках по-прежнему был румянец, скрывающий этот досадный случай. Только прическа могла выдать случившееся, ну по крайней мере намекнуть.

Из другого кармана я достал пластмассовую расческу, упакованную в полиэтиленовый пакет.

– Не желаешь причесаться?

Она посмотрела на предлагаемую вещь, а потом прямо мне в глаза. Не знаю почему, но ее взгляд мне понравился. Было у нее что-то, чего не было ни у Вероники, ни у Светы. Наш школьный учитель по литературе всегда любил повторять, что все люди разные!

– Да дезинфицированная она! – улыбнувшись, ехидно произнес я. – Не бойсь! Только что из магазина!

В магазине она, конечно же, была месяца два назад, но девочка же этого не знала и, все еще смущенная, двумя пальцами взяла расческу.

– Ну, вот и все дела, – произнес я, когда она стала медленно наводить новый порядок на голове, – а теперь пойдем, а

то опоздаем еще! Времени-то уже пятнадцать минут!

Так вот, пока я отвлекался на одну особу, все наши, как я и предполагал, уже находились в актовом зале тридцать пятой школы.

– Ну наконец-то! – облегченно вздохнула руководитель. – Я уж думала, что и вы не придете, а то сегодня Женя звонит и говорит: «Я, к сожалению, не смогу прийти – в ухе стреляет!» Видимо ухо – самый главный орган в системе человека. А Злобонервный скоро меня совсем доконает. Вечером звонил и доказывал, что сегодня точно придет. Ну и где он? Может, его Вероника дома забыла, а то он к ней собирался зайти и вместе в школу прийти.

– А что сразу Вероника? – возмутилась девочка. – Мне никто не звонил, и никто не приходил.

– Хорошо хоть Вячеслав пришел, – сказал Сергей Дмитриевич, устанавливая на стол музыкальную аппаратуру. – То же мне, болеть надумала! Ни минуты здоровыми походить не могут.

Разобравшись с реквизитом и костюмами, мы еще немного подождали Пашу и начали, как всегда, без него.

– Так может он где за пирожками стоит? – предположил Иннокентий, обращаясь к руководителю. – Он же у нас умен не по годам: самому тринадцать, а ума как у пятилетнего.

– Все возможно, – подумав, ответила женщина и вышла на сцену для объявления номеров Вячеслава.

– Эквилибр на вольно стоящей лестнице! Вячеслав Рома-

нов!

Из-за липовой болезни Жени из программы пришлось вычеркнуть «Акробатический дуэт» и, следовательно, одну клоунскую репризу – «Горшок». Слишком она детская для такой публики, хотя сидящие здесь первые-пятые классы тоже дети, да и Паши к тому же не было. А что ее тогда играть, если нет главных артистов? От этого Злобонервного Любовь Васильевна сама такой стала и ждала лишь удобного случая, чтобы выговорить ему в лицо все, что собралось за этих два дня.

Местные «Новости цирка» всегда проходили на ура, со всеми там мылами, новыми дезодорантами, маслом «Делми», который утром объелся зеленой петрушки и испортил все в своей коробке, а также моднявыми шампунями «Вошь энд гоу», что в переводе означает «Вошь в голове» и разными другими рекламными прибабасами. Особенно мне понравилась одна новость, которую озвучивала Вероника:

– Вы ходите, чтобы ваша улыбка выглядела великолепно, а настроение было приподнятое? И Вы думаете, Вам для этого нужен «Блендамед» или «Орбит»? Вовсе нет! Достаточно взять отбойный молоток и пройтись пару раз по зубам!

Следом пошли иллюзионные шутки от еще большего шутника Игната (то есть меня), который запнулся на веревочке, которая никак не хотела развязываться, а должна была. Ладно, это в прошлом. Вот кто-кто, а лихо гоняющая на моноцикле Вероника, чуть не переехала мне правую ногу – поду-

маешь, слишком поздно завершила. Мне даже на мгновение показалось, что эта девчонка специально хотела наехать на меня. Доказывай потом кто прав. Ха! Да она наплетет всем с три короба похлеще меня. Вот и удивляйся потом, почему согласились с ней, а не со мной.

Муха-камикадзе, нырнувшая под лапшу, всегда пользовалась большим успехом, но мне не удалось посмотреть этот «фильм», где главным режиссером был Иннокентий, так как на завершающих программу жонглерах нужен был специальный костюм, который все еще продолжал лежать в моей сумке. Единственное, на чем я не мог не задержать внимание, было самое начало репризы:

Кеша – Вере:

– Вы едите суп и замечаете в нем муху!

– Муху? Ух ты, а съесть ее можно?

– Где вы мне такую голодную откопали? – спросил он у исполняющей роль официантки Ани.

– Так вы сами просили ее три дня не кормить.

– Хм-м-м... Ладно. Значит так, ты ешь суп и замечаешь муху! – обратился он к сестре, которая играла посетителя кафетерия.

– Муху? Где?

– Под лапшой!

– А где лапша?

– Мысленно представь!

– А муха?

– О, Господи!

Мальчик покопался в карманах и достал маленькую, меньше колпачка от ручки, муху.

– Вот!

И кинул ее в алюминиевую тарелку, которая стояла на столике перед Вероникой.

– И это муха? – удивилась девочка. – Это микроб какой-то, а не муха.

– Размер маловат? – закричал Кеша и достал из другого кармана огромную, еле помещающуюся в кулаке, упитанную муху-камикадзе. – Довольна?

Девочка, испугавшись, посмотрела на него и закивала головой.

Что было дальше, мне не удалось посмотреть, хотя я знал эту репризу наизусть, но, даже зная ее, меня все равно тянуло ее посмотреть.

– Она мало у кого получалось в совершенстве! – говорил Сергей Дмитриевич. – Но сейчас она достигла наилучшего результата за всю клоунскую деятельность цирка.

Жонглеры... Они изменились коренным образом. Видимо, ни Вероника, ни Света, ни другие исполнители номера не сидели без дела, а всерьез занимались переработкой этого жанра. Он стал более красив, оригинален и избавился от «пустых мест на сцене», как говорила Любовь Васильевна.

Зазвучала музыка, и из левой от зрителя кулисы, вышла Света, жонглируя мячами и направилась в правую, а оттуда

ей навстречу шла Вероника. Поравнявшись на середине, они с секунду постояли и стали расходиться. Не успели скрыться со сцены, слева вышла Аня, а справа – Ксения, проделав то же самое. За секунду до этого – как ушли они, в такт музыки вышла Вероника и, пройдя к правой стороне, остановилась, кидая мячами. На другой такт появилась Света и отошла к левой стороне, напротив Вероники. К ним присоединились Катя и Ксения – соответственно Аня чуть левее Вероники, а Ксения – правее Светы, образовав своеобразный усеченный треугольник. Тут вышла Подчечуйкина, и исполнители номера сразу же стали наматывать с мячами круги по сцене, изображая композицию различных цветков во многих вариантах, ходить по двое, друг за другом, крест-накрест и по диагонали.

Покружившись на месте, Оля ушла со сцены и за ней постепенно стали удаляться остальные: Ксения, Аня, Света и Вероника. Не успела уйти последняя, как первые стали появляться с кольцами (вот что значит постоянные тренировки – зрелище было потрясающее)! Замыкала четверку та же самая Оля, но с кольцами такого маленького диаметра, что в них не пролезла бы даже моя голова. Пожонглировав ими с минуту, все встали в комплименте по бокам от девочки, тем самым оставив середину сцены пустой и тут нужно было выходить мне. Ну, мои кольца не сравнить с их. Если, не дай Бог, хоть одно я не поймаю, и оно засвистит им в лоб, то шишка будет в лучшем случае. *«Главное поймать!»* – ду-

мал я.

Пока я их кидал, Ольга отошла далеко назад, а за мной, уже с четырьмя кольцами ходила Света и Вероника.

Закончив свои несложные трюки, я также попятился от края сцены, а вскоре и совсем ушел за кулисы, предоставив место для четверки с булавами, которые, как всегда, появились по одной и моментально после меня. Подчечуйкиной не было – видимо, не до конца изучила ремесло жонглера. Сделав все, что им было нужно по программе, они разошлись и пропустили вперед меня. Да-а-а, моими булавами только гвозди в стену забивать – похуже алюминиевых колец будут. От них уж точно сляжешь, если попадет такая куда нужно. Закрутив их двойными оборотами, каскадом и из-под ноги, я довольный и с чувством совершеннейшего спокойствия покинул публику и завершающих номер девчонок, которым удалось без падения и с очередным триумфом подвести финальную черту в сегодняшней программе, доказав тем самым, что цирк еще долгие годы может называться профессиональным и привлекать в свои ряды многих девчонок и мальчишек.

Пока Любовь Васильевна прощалась с публикой, говоря им: «Вспоминайте цирк, до новых встреч», все артисты скрылись за кулисами. Я стоял в противоположной стороне от Светы, Ани и остальных жонглеров, и совершенно не хотел подходить ближе, так как через минуты две-три послышалось:

– Какой... нехороший человек связал мои ботинки?

И сразу же за голосом Светы последовал голос Вероники:

– Нет, люди, что это такое? Кто тут лазил?

– Тихо! – спокойно сказала Любовь Васильевна. – Что тут у вас случилось?

– Здесь кто-то хорошо поработал, – пояснила Аня, развязывая шнурки в своих ботинках, скрепленных друг с другом.

– Ага, щеткой «Рич аксес от Джонсон и Джонсон», – продолжил я реплику Ани. – Кому же еще здесь так чисто работать?

Тут я уловил взгляд Вероники, направленный в мою сторону, и тоже посмотрел на нее. Взгляд был таким холодным и всепроникающим, что мне захотелось моментально отвернуться, но я сделал усилие и выиграл этот поединок. Она догадалась!

– Игра началась, Вероника! – прошептал я себе под нос. – Теперь все решит время.

– Что ты бормочешь? – спросила подошедшая сзади Настя.

– Проверяю, все ли взял.

– А-а, ну-ну, проверяй дальше!

Перевалило за одиннадцать, прежде чем мы вышли из актового зала. Проходя длинным коридором к выходу, я взглядом нечаянно наткнулся на один плакат с подписью мальчика из седьмого класса. Общая тема называлась «Гимн школы», но из многих подобных почему-то только один он остал-

ся у меня в памяти. Он предложил такую версию:

Мы веселые детишки,

Супер девки и мальчишки!

Джинсы носим и рубашки.

Юные таланты! Да-да!

Учитель дал нам раз в пятак,

Теперь мы знаем, что да как!

Мы веселые детишки!

Супер девки и мальчишки...

Я до самого шатра смеялся и вспоминал его, расшифровывая скрытый смысл. *«Нет, он правильно написал: «Учитель дал нам всем в пятак...» Правильно, нечего с лоботрясами и тунядцами по-другому разговаривать. Пусть знают, кто в школе главный».*

Разместив весь свой реквизит для фокусов в своей комнате, я оставил сумку с булавами и кольцами у Любови Васильевны, так как завтра мы собирались выступить с номером «Жонглеры» и «Акробатический дуэт» во дворце культуры профсоюзов – на каком-то особо важном мероприятии, а сам вышел из шатра и, пожелав всего наилучшего Ксении и Насти (Вячеслав убежал домой сразу же по приезду), пошел к трамваю.

*«Значит завтра к четырем! Отлично, хоть выплуюсь. Я,*

конечно же, не прочь вставать в шесть утра каждый день, но ведь хорошо бы сделать и перерыв. Как любит говорить Саня: «Голова к вечеру как бубен становится, хоть гвозди киянкой заколачивай. Так мысленно беседуя с самим собой, я добрался до дома. На площадке уже дежурил Леша.

– Наконец-то! – сказал он, выбрасывая бычок от сигареты.

– Что, кетчуп «Кальве» закончился? – вспомнилась мне надоедливая реклама, при виде которой уже начинало мутить в животе.

– Не понял...

– Все, проехали, назад дороги нет. До тебя, как до жирафа, пока дойдет, сто лет пройдет.

Я впустил его в квартиру и, закрыв дверь, прошел в зал.

– Ты это про что тогда говорил? – произнес он.

– Если хорошо будешь слушать телевизор – узнаешь.

– Трудно сказать уже? – обиделся тот.

– Нет, почему же, но сообразительность тренировать надо. Неудивительно, что ты по литературе еле-еле на три тянешь. Зачем голову носишь?

– Чтоб было!

– Тогда ни на кого не обижайся, когда тебе дадут в школе справку и помашут на прощание ручкой.

Он смотрел в окно не решаясь ответить. Любая фраза с его стороны была бы продолжена мною и не в лучшую сторону. Все обожают, когда их хвалят, но не делать же это постоянно. И мне надоело каждый день наставлять их на путь

истинный. Я им что, психолог какой? Что они все время лезут со своими проблемами, будто у меня их нет. Один со школой привязался. Другой с девчонкой никак отношения наладить не может. Третий не знает, как провести свободное время. Это хорошо, что их у меня сейчас только трое – остальных в армию забирают, а что было бы, если их оказалось шесть, семь, восемь... Кошмар! Одной киянкой тут бы не обошлось.

Интересно, отчего всех тянет ко мне как магнитом? Что здесь есть особенное, чего нет ни у кого другого? Вопрос, еще вопрос... А где же ответы?

Зазвонил телефон. *«Опять кого-то несет»*, – подумал я, подходя к нему, но тот лишь издал один гудок и замолчал как ни в чем не бывало.

Леша у меня долго не задержался, так как поведал обо всем, что знал, хотя я и слышал его «сказки» и вчера, и позавчера, и... В общем, я, как всегда, делал вид, будто они меня страшно интересуют. Высказавшись полностью и осушив полчайника, он отправился обратно бродить без дела дальше, но обещал непременно зайти еще. Нет уж, с меня хватит. Удастся ли мне когда-нибудь посидеть одному? Ходят тут, спокойствие нарушают!

И только я отключил телефон и собирался тоже самое проделать со звонком, как вижу в глазок, за дверью сосед Артем показался. *«Е-мое, принесла его нечисть! Нет чтобы на минуту позже, так фигушки тебе. Придут как раз в тот*

*момент, когда никого не хочешь видеть!»* – думал я, открывая коридорную дверь.

– Какие люди! Сколько лет, сколько зим. Отчего вдруг решил навестить бывшего соседа?

– Да к бабуле своей шел, – сказал Тема, – а тут думаю. «Дай зайду»! Шесть месяцев как-никак не виделись!

Артема я знал еще с четвертого класса (сейчас он уже в десятом), пожалуй, даже раньше, чем познакомился с «Макаром» и «Суселом». Целыми днями мы проводили в коридоре, рассказывая друг другу байки, играя в дартс, в настенный баскетбол, занимаясь в общем всякой всячиной. На улицу же выходили только с баскетбольным мячом и на долгие часы оккупировали баскетбольное кольцо у одиннадцатой школы. Там-то я и получил прозвище за то, что не умел играть, но с каждым днем мое мастерство повышалось, и однажды я взял и обыграл всех тех, кто не верил в мое умение владеть мячом. После этого при любой игре каждый звал меня в свою команду, если время позволяло, я с радостью погружался в любимое занятие и, хотя вел себя достаточно жестко, команда всегда выигрывала. Но после того, как родители Артема махнулись квартирами с его бабушкой, дела в баскетбольной дворовой карьере пошли в обратную сторону, а потом и вообще сошли на нет. Единственная отдушина была в лицее. Только там я мог вспомнить старое и обыграть пару-тройку человек из группы.

– Чем же ты теперь занимаешься? – спросил я.

– Да разным. Хожу на компьютерные курсы, на бокс, в бассейн...

– И успеваешь?

– Да как сказать... когда как. Иногда все идет просто прекрасно, а иногда и пропустить кое-что приходится.

– А в школе как? Все еще отличник?

– Ты что, припух? Какой отличник? Уже второй год как не отличник. Всего три пятерки.

– А остальные?

– Четверки, что же еще?

Я сразу же вспомнил дневник Колошиной и ее оценки, затем ее гневный взгляд, и... думать дальше почему-то расхотелось.

– А дома чем занимаешься?

– Меня вообще-то сложно застать дома. По большей части я всегда на улице. А ты? Все в цирке выступаешь?

– Да вот... опять начал.

– А что, бросал?

– Было дело.

Он позвонил бабушке и та, открыв дверь,пустила его в квартиру.

– Еще увидимся!

Я быстро отключил звонок, с довольным видом закрыл дверь и, взяв в руки книгу с фокусами, улегся поудобнее на диван.

– Так, где этот трюк, который я давно хотел сделать?

... А-а-а, вот он. Значит так, эффект: фокусник выносит два небольшого размера, цилиндра, вставленных один в один и поочередно показывает их зрителям. Все убеждаются, что они пусты, но стоит иллюзионисту взмахнуть над ними платком, появляется длинная разноцветная лента...

Подготовка: две середины от пластиковых бутылок, скрепка, лент (тридцать на сорок метров), разноцветный скотч.

Секрет фокуса: на первый взгляд он кажется непонятным, но на самом деле все не так. Весь секрет кроется в том, что...

Ха! Легкий трюк. Нас такими не запугаешь. Вот трюк с серпантинном – это вещь! Я на него полдня потратил, разбираясь в описании, и понял далеко не все, что было написано. Здесь же делов на один вечер.

С такими словами и четко следуя предложенным инструкциям, я занялся конструкцией новых цилиндров. В начале получалось не очень, даже я бы сказал – совсем не получалось и, прежде чем добиться хоть какого-то результата я, сам не замечая этого, перерезал почти все пластмассовые бутылки соседей, хранившиеся в общем коридоре за одной из многочисленных дверей в массивном шкафу.

В конце концов, уже ближе к десяти вечера, я добился поставленной цели, и передо мной на столе красовались два цилиндра, обмотанных красным и зеленым скотчем.

– Вот бы мне так и все остальные задумки решить, – подумал я и выключил свет.

Тишина. Хмурое дождливое небо чуть просветлело, предвещающая хорошую погоду, но дождь лил не переставая, будто хотел затопить весь город в своих слезах. Тишину за окном время от времени нарушали мяуканье котов, не поделивших, видимо, ночлег, стук капель о подоконник и листья деревьев, а также крики какого-то существа, больше похожего на человека. Единственное, чего я не разобрал, так это какого оно было пола.

Мне на ум сразу же пришло одно стихотворение нашего современника:

Еду. Тихо!

Слышны крики в подворотне за углом.

Только местные маньяки притаились кругом.

Дремлет мент, накрывшись шапкой,

Рэкетир идет за «бабкой»,

А грабители в чулках

Несут золото в кульках.

## **День пятый**

Утро не порадовало ярким и теплым солнцем. Как был дождь так он и продолжал идти сегодня. *«Что творится! Пятый день подряд моросит. Когда всему этому будет конец? Неужели весь остаток мая придется проходить под зонтами? Вот нынче год потрясающий, никогда бы не подумал, что такое может быть».*

В дверь позвонили.

Сон проходил медленно и вначале, я, ничего не заметив странного, собрался открыть дверь, но потом меня осенило:

– Стоп! Мне кажется или я действительно отключил звонок?

В дверь еще раз позвонили.

– Нет, не кажется. Кто же это тогда тут такой умный нашелся?

В коридоре стоял Саша. Теперь все ясно, ведь это именно он поставил здесь систему отключения звонка и так хорошо замаскировал, что никто из моих старичков ее не нашел, хотя искали около часа. Что же касается двери, выходящей на площадку, то ее мог открыть любой, будь у него в руке нож или тонкая металлическая пластина. Мы-то уже давно приспособились к такому способу и так же открывали двери почти у всех знакомых, а если что не получалось, тут уж я прибегал к своим заветным шпилькам, которые всегда находились под рукой.

– Але, гараж! Проснись и пой! – сказал он, видя мой блуждающий взгляд, и шелкнул под самым носом пальцами.

– Ты чего так рано бузишь? Не спится что ли? Хотя бы в субботу не мешал.

– Рано? И ты считаешь, что полдвенадцатого это рано? Открой глаза пошире и посмотри на будильник!

Он достал из кармана свои электронные часы и потряс ими перед самым моим носом.

– Видишь?

Я пригляделся... действительно половина двенадцатого!

– Опа!

– Вот тебе и «опа»! Да пока ты спал, я уже успел за хлебом сходить и в гараж за картошкой. Да, по дороге этих встретил... из цирка. Э-э-э... Одна такая длинная с собачкой, а другая маленькая... без собачки. Ну, эта самая... Портянкина! Не... Резинкина! Не, тоже не то... Ну, которые на валенки одевают!

– Так бы сразу и сказал, что Колошина.

– Точно. Она. А вторая тогда кто? Что-то роде Замерзшей... Подмерзшей...

– Может Мерзляковой?

– Действительно... Может и Мерзлякова!

– Эх ты, два раза уже ходил на выступления...

– Ходил? Да я хожу, когда ты зовешь, а зовешь ты не часто.

– Что? Я тебя раза четыре приглашал, да у тебя все срочные дела находились: то крепкий сон, то завтрак, то поездка на рыбу за медведем...

Юноша улыбнулся, вспомнив старое, а потом вдруг сказал:

– Так что с пивом?

– С каким пивом? – вначале не понял я, но потом все прояснилось. – А-а-а! Сегодня спрошу.

– Ты еще не спрашивал? Я тебе еще в прошлый раз говорил, а ты...

– Не бузи, все будет полный «океюшки»!

– Чего?

– «Океюшки» – это то же самое что «хорошо» или «отлично».

– Ну, ты как скажешь что... – покачал он головой. – Зайти-то хоть можно?

– Пожалуйста!

Войдя в зал, он увидел повернутый боком телевизор со снятой задней панелью.

– Что, опять сломался? – удивился Саша.

– Как видишь.

– Я тебе что, мастер что ли? Вечно в этой квартире все ломается и бьется. На прошлой неделе – плеер, на позапрошлой – телевизор на кухне, сейчас – вот этот. Продолжать можно до бесконечности. Тебе, видимо, порчу навели!

– Да я тоже об этом подумывал.

– Может чего подсыпали... Что? Ты уже об этом думал? И какие результаты? Есть кто на примете?

– Понятия не имею, но одно имя напрашивается.

И я взглянул на «Лучший сборник стихотворений», покрытый черной крышкой с золотистым орнаментом из фольги (не зря же я в полиграфисты устроился, должен же знать где крышка, а где обложка).

– Да? И кто?

– Ха! Так я тебе и сказал. Не хочу, чтобы сплетни разнеслись по всему двору.

– Да ты что, я тебя когда-нибудь подводил?

– Еще как.

Саша почесал затылок и неуверенно произнес:

– Точно... Но сейчас-то другое дело!

– Вот потому, что другое дело, я и не хочу разглашать свои мысли по этому поводу. Может быть это не она, а он, тот самый. Хотя все они хороши.

– Тьфу ты, е-мое! Да тебя никогда в жизни не поймешь.

О чем бормочешь?

– Когда придешь к нам в цирк, тогда, может, малость и поймешь, а так что-либо объяснять просто-напросто бесполезно, к тому же через день-два все равно забудешь, а мне нужен человек, который все помнит и сможет сориентироваться в любой момент.

– Ладно... Посмотрю твое добро. Будешь должен «полтос».

– На пиво?

Он ухмыльнулся.

– На что же еще?

Через пару минут Саня с головой влез в телевизор.

– Слушай! – сказал я. – А приходи-ка ты сегодня к четверем во дворец культуры профсоюзов, на второй этаж. Короткометражное выступление посмотришь, да и имена артистов подучишь. Придешь?

– Ыгы, – слышалось из ящика.

Перепаяв все, что было можно, он получил обещанный

«полтос» и, довольный, скрылся за дверью. *«Никакой культуры у людей нет. Что взбредет в голову, то и делают. Даже «До свидания» не сказал. Хам!»*

Ровно в два я завел все имеющиеся в квартире будильники. Как оказалось, никакой из них не показывал точное время, а отставал ровно на час. Сговорились они, что ли?

Выйдя из дома почти в три, я подумал:

*«Все-таки хорошо, что Саня додумался зайти ко мне, иначе я бы точно опоздал. Странно, однако, получается: все часы отставали ровно на час, абсолютно все! Вчера же все было нормально, и я сам их лично проверял, а сегодня целый час пропустили. Вот приду с выступления, обязательно с этим разберусь!»*

Проходя мимо дома Колошиных, мой взор «нечаянно» скользнул по их окну. *«Занавески что ли сняли?»* Да, похоже, так оно и было. Сколько раз я здесь не проходил, еще никогда не видел такого запустелого окна в маленькой комнате. Обычно там висела маленькая, примерно в половину окна, а то и меньше, тюль с геометрическим орнаментом.

Но любоваться всей этой ерундой мне было некогда, и я, прибавив шаг, поспешил на остановку. Добрался на удивление спокойно, как ни странно, без происшествий и достаточно быстро, чего давно не было.

У здания Профсоюзов собрались все, кроме Вероники.

– Видимо, опять спит! – услышал я голос Сергея Дмитриевича, который заулыбался и отвернулся в сторону.

– Вы ее не знаете, она не спит! – вступилась за подружку Микробывая, покосившись на Тужуркину, которая знала все про свою одноклассницу, но предпочла промолчать.

– Конечно, не спит – четвертый час уже! – ответил мужчина, решив продолжить дискуссию.

– Может, у нее срочное дело какое...

– Ишь ты! Заступница нашлась. Какое может быть дело, когда намечено выступление? Если не можете, так сразу и говорите, а то, что мы потом будем делать? Искать замену или отказываться от выступления?

Девочка покраснела и замолчала.

В этом году Вероника, по-видимому, не была столь активна, как в прошлом, а предпочитала по большей части проводить свободное время в свое удовольствие. Да, цирк большой, но хороших участников, как всегда, как не было, так и нет. Наши «старички», то есть все эти двенадцать человек, конечно, могут сделать великолепное представление, но есть, как всегда, но! Злобонервный как ни набивается гастролировать по городу, ничего у него не получается – все время тянет к ларькам с булочками, потому и опаздывает минут на тридцать. Виталий Денисов вообще лентяй – сколько ни ходит, ничем полезным не занимается – сидит да с другими ребятами «языком чешет». Подчечуйкина? Когда-то она стояла на цилиндре, а теперь только мячами кидает, но хочет быть артисткой цирка. Про Микробную я пока мало что знаю, но от Оли она далеко не отстала. Ксения Скалкина?

Возможно, из нее и выйдет что-нибудь впечатляющее, но не сейчас. Вероника? Вероника... она думает только о себе, и ее совершенно не интересуют цирковые дела. Ведь какой ей интерес до нас, когда рядом ошивается любимый парень? С ним каши не сварить... да и не только каши, но и супа или борща... Куда спешат?

И на кого нам остается надеяться? На Мерзлякову, которая практически никогда не ходит на репетицию? На Тужуркину, которая не хочет совершенствоваться в новых жанрах? Или Иннокентия, который ас только в клоунских репризах?

В списке остаются только два человека: Евгения Фоменкова и Анастасия Конарейкина. Только на них можно всегда положиться. Только они способны прийти в любую погоду и «вытянуть» представление. Любовь Васильевна верит в них и искренне надеется, что они не бросят это дело как минимум года три-четыре. Нужно же найти достойную замену из всех тех малышей, которые сейчас пришли в коллектив.

Надежда... Руководители верят во всех и надеются, что все эти девять человек пересмотрят свое отношение к цирку и полюбят его всем сердцем, как это сделали Любовь Васильевна и Сергей Дмитриевич.

Я... Я, безусловно, могу добиться многого, но об этом нужно было думать раньше, намного раньше. Ни возраст, ни рост не остановишь. Я и так в коллективе самый старший, а когда распадется эта девятка, что делать мне? Уходить или оставаться? Если оставаться, то как долго? Мне не раз при-

ходили эти мысли, но я старался не думать о будущем. Там все слишком плохо, хотя я может, как всегда, преувеличиваю.

Наконец, прибежала запыхавшаяся Вероника.

– Я не опоздала? – немного отдышавшись, произнесла она.

– Еще бы минут пять и мы начали без тебя, – укоризненно покачала головой женщина, отчего девочка потупила свой взор.

– Интересно, а где ты была? – поинтересовался мужчина.

– Да прилегла в двенадцать. Думала на часок, а тут... – она развела руками.

Сергей Дмитриевич посмотрел на Микробную и усмехнулся.

Как всегда, с опозданием, в шестнадцать-десять, началось представление, посвященное какому-то празднику, явно недавно придуманному. Народу собралось человек двести. Сидели даже на балкончике.

– Вот бы их всех к нам на выступление! – шепнула Аня на ухо Свете, расчесывая волосы.

Неужели расческу не забыла захватить?

Насмотревшись достаточно на публику и переодев костюм, я вышел из гримерной, обвешанной зеркалами и с роялем посередине. На стуле, сразу же за дверью, сидела Женя и держалась за голову. Я сел рядом, благо их оказалось много.

– Что случилось?

Девочка косо посмотрела на меня и не ответила. «Э-э-эх, заразила тут всех Вероника! Ни у кого ничего узнать нельзя».

– Так что же все-таки стряслось?

– Не видишь, голова болит!

– Вижу.

– А чего лезешь?

– Так ведь у вас не поймешь, что у кого болит и когда это все пройдет.

Женя мрачно улыбнулась и откинула голову к стене.

– Слушай, у меня как раз есть таблетки от головной боли.

Так, чисто случайно прихватил. Я стал рыться по карманам и достал пластину с розовыми пилюлями.

– Вот, хорошее средство...

Повертев его в руках, я добавил:

– Пардон, это от запора.

На лице девочки проскользнула еле заметная улыбка, а я, зашвырнув пластину за стоящий рядом шкаф, полез в другой карман.

– Нашел! Вот это... это... «От поноса», – прочитал я. – Странно, вроде ничего подобного не клал. Откуда вся эта переносная аптека?

Эти таблетки полетели вслед за первыми, и только с третьего раза мне удалось найти то, что я так усердно искал.

– Па-ра-це-та-мол.

Евгения, как и предполагалось, отказалась от них, но теперь выглядела более веселой, уверенной в себе и не такой бледной, как в начале. И почему все говорят, что совершить доброе дело у меня не допросишься? Да плохо меня знают, вот и весь ответ! Жалость – редкое качество человека и если бы оно проявлялось у всех людей, то миру не было бы конца. А так... *«Все разные, – как говорил наш учитель по литературе. – У всех разные качества, разная внешность. Двух одинаковых людей не найдешь никогда! Они могут быть, но одни на миллион... миллиард...»*

– Вот закончится выступление, пойдешь домой, «примешь ванну, выпьешь чашечку кофе», таблеточку может, скушаешь свою собственную, – и я швырнул куда подальше и эту пластину. – Главное тебе сегодня не совершить какой-либо ошибки на выступлении и не забыть свой номер. Вот ты представь...

– Чем вы это тут швыряетесь? – спросила Любовь Васильевна.

– Да ничем, сидим вот, разговариваем...

– Сидите? А по-моему, вы спите!

– Что? Спим? Это мы-то?

– Ну, ты, я вижу, пока еще нет, но вот Женя уже готова.

Я вскинул брови и медленно повернул голову вправо. Действительно! Девочка спала, удобно положив голову на мое плечо. *«Ничего себе, почему раньше не почувствовал? Видимо разговором увлекся».* Я посмотрел на ее безмятежное,

спокойное лицо, почесал затылок и подумал: «*Будить ее или не будить? Вот в чем вопрос...*» Решив, что для нее будет лучше, если поспит, я еще раз взглянул на нее, улыбнувшись, покачал головой и, стараясь не шевелиться, остался сидеть.

Мне вспомнились слова Вероники, произнесенные в прошлом году:

– Он хороший только тогда, когда спит зубами к стенке!

Причем здесь это? Видимо, она до сих пор на меня за что-то обижается. Вот только за что? Ну не за посылку с тараканами, которую я подложил ей под дверь восьмого ноября. Дела эти давно минувших дней. Теперь я этим не занимаюсь, теперь я... шнурки завязываю! А почему бы, собственно говоря, и нет? Вот Вы представьте! Возвратятся они со сцены в гримерную усталые, злые, каждый готов друг другу вцепиться из-за той или иной оплошности. Станут одеваться, а тут раз... обувь вся связана – и настроение поднимется, все заулыбаются и друг друга братьями-сестрами будут считать, пока другое выступление не придет.

Где-то минут через сорок пять нас предупредили, что скоро наш выход, буквально через номер-два. Волей-неволей пришлось будить Женю, да и Мерзлякова что-то стала коситься в нашу сторону.

Открыв глаза, девочка пристально на меня посмотрела, о чем-то долго подумала, хлопая глазами, и, спокойным голосом спросила:

– Я спала?

– А разве ты по себе этого не чувствуешь? У меня рука чуть не «отсохла» тебя поддерживать.

– И долго я тут сидела?

– Да с час, не больше.

– Целый час? Бог ты мой! Как это могло так быть?

– Кстати, голова не болит?

Она удивилась. Видимо не ожидала, что я, ко всему прочему, могу интересоваться чьим-либо здоровьем и самочувствием, кроме своего собственного. Ох, как же им еще долго нужно разбираться в людях, хотя пятнадцать лет – тоже возраст и за это время можно было и узнать кое-что, так, «ради спортивного любопытства».

– Немного... Но мне уже лучше.

Евгения не знала, что спросить у меня, но я чувствовал, что она хотела задать вопрос, вот только какой?

– Нужно готовиться к выступлению.

Е-мое, не могла придумать что-нибудь еще...

Не скажу, что это было чересчур впечатляющее представление, так как ото всех танцевальных и хоровых ансамблей уже делалось порядком скучновато. Мы, как всегда, внесли разнообразие и немного расшевелили зрителей. Блестяще исполненному «Акробатическому дуэту» аплодировали больше и дольше всех. Пожалуй, сильнее, чем жонглерам, которые показали свое мастерство лишь через полчаса после дуэта. Нет, это же надо было так программу растянуть! Организаторы что, хотели, чтобы в зрительном зале все спали?

Там и так это прослеживалось в каждом ряду: то кто-то зевнет, то глаза минут на пять-десять закроешь. Кошмар!

Выбрались мы оттуда почти в шесть. Мне так и не удалось проверить свои предположения, а оставаться ну никак не хотелось. И как они только смотрят все это? Да что там говорить, если уж за кулисами кое-кто проспал почти весь концерт, то обо всем остальном я промолчу.

На улице накрапывал мелкий дождик, но ветра, такого как утром, не было. Черные тучи медленно расползались в стороны, обнажая куски голубого неба, через которые кое-где проглядывало солнце. Лужи заполнили все дороги и разлились в небольшие ручьи, благодаря чему пройти без резиновых сапог стало практически невозможно. У всех же наших были легкопромокаемые кроссовки и туфли, в которых также никуда не уйдешь.

– Ну вот, неделя гастролей подошла к концу, – сказала Любовь Васильевна. – У нас осталось всего два выступления на следующей неделе: в понедельник – во второй школе и во вторник – здесь же, если кто забыл. Завтра генеральная репетиция, хотя у нас и так каждый день генеральная. Быть всем несмотря ни на что! Особенно, это касается тебя, Вероника: ты у нас и так в последнее время стала отлынивать от занятий и выступлений. То у тебя одно, то другое. На каждый день сотни причин найдутся: то живот болит, то в ухе стреляет... Продолжать можно до бесконечности.

– А как только Новый год приходит, так все «хороши», –

подключился в разговор Сергей Дмитриевич. – Всем хочется сесть за сладкий цирковой стол, да еще получить какой-нибудь подарок за хорошие и частые выступления. Вы только не думайте, что звание профессионального цирка нам дали пожизненно! Нет! Достаточно кому-нибудь одному из администрации города прийти на нашу репетицию и посмотреть на то, чем вы там занимаетесь, он сразу же несколько изменит наше название, всего-навсего сократив на одно слово.

– Ладно, закончим на сегодня об этом. Завтра все равно придется возвращаться к начатой теме. Вас тут только девять, а говорить нужно в присутствии всего коллектива... Значит, завтра к одиннадцати! Занимаемся как по субботам. Надеюсь, никто ничего не перепутает.

Все стояли молча, потупив взгляд и размышляя о чем-то своем. От слов руководителя Вероника покраснела так, что ей на время пришлось отвернуться в сторону. *«Хорошо хоть краснеть умеют, и то радует»*, – всегда говорил наш учитель по литературе, когда кто-то из учеников сознавался и раскаивался в том, что не прочитал то или иное заданное произведение. Подчечуйкина все время мяла в руках свою бейсболку – видимо, тоже вспоминала все свои прегрешения перед коллективом.

Разошлись быстро. Евгения, как всегда, пошла на автобус до Колхозной площади; Ольга Подчечуйкина и Анастасия Конарейкина – с руководителями (видимо было по пути), а остальные на трамвай до Поповки-Киселевки. Я же за-

вернул в музыкальный магазин «Мелодия», который больше стал преображаться в магазин бытовых услуг. Приобретя пару кассет каких-то ди-джейев с замысловатыми кликухами, я еще несколько минут побродил по магазину, изучая плакаты недавно появившихся групп: «Свело селезенку» и «Уши враслопырку», и вышел на улицу, осматривая купленные вещи.

Дождь перестал совсем, и теперь дышалось легко и свободно. Еле проскальзывающий по деревьям ветерок навевал добрые и теплые чувства, хотя дождливая прохлада все еще сохранялась и, по-видимому, продлится еще долго.

Вдохнув полной грудью, я пошел, намереваясь попасть домой не позднее семи, но не тут-то было! Завернув за очередной поворот, я увидел Веронику и... какого-то юношу, выше ее на целую голову. Держась за руки, они направлялись к остановке, а может, и нет... Мне бы обогнать их, да идти своей дорогой, но прошлогоднее «Дело о клопах» частенько давало о себе знать, и поэтому я решил никуда не спешить и постарался разузнать, о чем они так мило беседовали.

Люблю подходить тихо и, стараясь стать незаметным, идти позади, особенно когда нас разделяют два-три человека.

– ... был на представлении?

– Да. Честно скажу – жуткая скукота... если бы не вы, точно все уснули бы. А так... вообще все получилось хорошо. Организаторы с точностью до минуты подсчитали, в каком моменте должны появиться вы и...

*«Во машины поразъездились! Не слышно же из-за них ничего».*

– ... только выглядишь ты как-то плохо. Не заболела?

*«Боже, какая сентиментальность!»*

– Нет-нет, голова немного кружится.

– У тебя витамины те еще есть?

– Почти целая коробка.

– Целая коробка? Почему не пьешь?

Девочка посмотрела на соседний тротуар и пожалала плечами.

– Хочешь опять заболеть? Учти, во второй раз я с тобой в больнице сидеть не буду!

*«Плохо, значит, любит. Другой ради единственной и неповторимой пошел бы на все жертвы, чтобы помочь ей».*

Дойдя до угла дома, они свернули вправо, а я к трамваю влево. Опоздал на каких-то секунд тридцать, не больше. Еще бы чуть-чуть и я бы ехал в обществе Тужуркиной и Мерзляковой. Повезло им на этот раз.

Домой добрался на час позже запланированного, да и как тут раньше вернуться? По дороге от конечной остановки до подъезда столько народу повстречал: бывшая учительница по алгебре Тамара Васильевна; бывшая классная руководительница Елена Павловна, Михаил, вечно интересующийся «где «Макар»; Игорек – еще один друг детства, «древнее» Артема, живущий, кстати, в одном доме с Колошиными; подруга бабушки, спрашивающая о ее здоровье и о том, ко-

гда же та все-таки придет в гости на чашечку чая, и последним попался совсем незнакомый мужик, передававший привет дедушке. Что он, с приветом, что ли?

Дома, как всегда, есть было нечего, и мне в очередной раз помогли макароны быстрого приготовления от фирмы «Души рака». И почему некоторые говорят, что они невкусные? Запив всю эту кашу яблочным соком, я решил проверить будильники. Разобрал... проверил. Или я плохой мастер, или они и в правду в норме. Что же тогда привело их к такому крупномасштабному «глюку» в один час? Все равно, что-то здесь не то.

*«А может, действительно кто-то «порчу» навел? Что ж, и такое может быть. В тихом омуте не только черти водятся, но кое кто и пострашнее. Как бы это все проверить?»* – думал я, рыща по карманам в поисках денег. – *Ага, нашел!»*

Оказалось, не так густо – всего двести рублей.

– Ладно, на еду хватит, а к «порче» мы еще вернемся.

Раздался телефонный звонок.

– Вот, опять кого-то несет. Как станешь вспоминать про омут, так все тут как тут и звать даже никого не приходится. Сами лезут... Алло!

В ответ тишина. Было лишь только еле-еле слышно в отдалении чье-то спокойное дыхание. Ни треска, ни шума, ни посторонних звуков – ничего такого не было. Вот так всегда, как кто-либо нужный звонит, так и голоса из-за помех

не разобрать, десять раз потом только перезванивает, а как неизвестно что... то есть кто – сразу слышимость великолепно. Вот только у этого субъекта голоса нет. А может оно безголосое?

– Вы будете со мной разговаривать, или у вас так копчик разболелся, что до голосовых связок дошел?

Где-то что-то шлепнулось и на этом все закончилось. В трубке стали слышны лишь короткие гудки.

– Обиделись что ли? Ну, так не играю, – усмехнулся я. – Требую продолжения неизвестного разговора!

Позвонили в дверь.

– Вот, – оживился я. – Когда долго просишь, все обязательно сбудется. Лучше бы я попросил кирпич свалиться на голову тому, кто перевел мои часы. В сто раз полезней было бы. Сразу два хороших дела свершилось бы: наказал бы хулигана и узнал бы его личность. Кто с повязкой на голове, того хватай и в нос бей!

За дверью оказалась группа бродячих попрошаек в количестве трех человек (всем лет так по двенадцать-тринадцать). Стоящий справа заглянул через мое плечо в коридор, осматривая окрестности.

– Одын? – спросил средний, самый высокий из всех.

Не знаю про что они, но я так понял, что он спрашивает который сейчас час.

– Да когда выходил, девять вроде было.

Малец от удивления расширил глаза и приоткрыл рот. За-

тем справился со всеми чувствами и пошел шпарить по заранее зазубренной программе:

– Подайте Христа ради во имя Аллаха русским братьям из бангладешской народной республики! Гадом будем, если забудем вашу доброту!

При этом он три раза сплюнул через левое плечо и со всего размаха шибанулся лбом о дверной косяк, но по его виду и не угадывалось, что он только что посадил себе шишку.

– Ты чего бьешься? Мозгов не будет...

– И кто там? – слышалось из-за моей двери.

– Местные, – по привычке крикнул я, забыв, что дома никого нет.

– А-а-а, дызэртыры явились? – все оттуда же спросил голос, но уже мужской.

Я мысленно сплюнул в сторону, вспомнив, что как раз до прихода этих погорельцев, слушал радио и забыл его выключить. Ладно, пусть думают, что у меня и правда девять!

– Что вы говорили вам нужно?

– Так это самое... – развел руками левый мальчуган. – ... То, что он сказал! – кивнул он на старшего. – В смысле нам надо то, чего у нас нет, но зато когда дадут, будет все, что мы искали!

*«Действительно, левый какой-то. На иностранца чем-то смахивает».* Попытавшись сообразить и представить то, чего им не хватает, я осмотрел их всех и сказал:

– Вам что, кулебяк приготовить?

Левый открыл рот так, что туда мог спокойно влезть ба-  
клажан и не один.

– Не, нам такое не нужно.

– А может вам подарить что-нибудь из одежды? К при-  
меру, у меня есть потрясающая коллекция от знаменитого  
кутюрье «Драться-Перерванье». Вы в ней будете щеголять до  
самого банка в Гладежи...

– Нет-нет, ничего нам рваного не надо, – отпрянул назад  
правый, видимо самый умный из всей троицы. – Мы «мани»  
хотим!

– Мани? У меня нет никакой Мани. Вы ошиблись кварти-  
рой! У нас только Васи.

– Нам деньги нужны! – не выдержав, закричал средний.

– Ах, деньги! Тьфу ты, е-мое. Так бы сразу и сказали. Вот  
что я вам скажу – я не сбербанк для таких секьюрити, как  
вы. Это только «Росно» может попадать камнем в стекло или  
кулаком в глаз. Тут же вы такой прибыли не откопаете. Како-  
го фикуса здесь шастают бездомные россияне, когда как раз  
сегодня, в центре, бесплатно раздают американские ваучеры  
от «МММ-Сити». Я бы сам за ними пошел, да народ у меня  
– пиво пьем, так что спешите, спешите... До свидания!

Уже входя в квартиру, я подумал: *«Что за ахиню я им  
наговорил? До сих пор, наверное, около двери стоят, обду-  
мывают сказанное»*. Прислушался.

– Как, оборванцы уже здесь? – спросили по радио.

На площадке слышались удаляющиеся шаги.

– Никак нет, ваше сиятельство! – ответили все там же. –

Уже расстреляны.

– Да? А вон те тогда кто?

– Где?

– В окно посмотри!

...

– Не имею чести знать, я...

*«Какой только бред по радио гонят. Век бы его не слушать, да иногда приходится, и скажу честно – неплохо помогает».*

Заведя будильник на восемь, я вышел на балкон. Солнце медленно опускалось, оставляя после себя лишь багровую часть неба. Тучи разошлись совсем, и все подсказывало на то, что завтра будет чудесная погода.

Мои окна выходили на противоположную от подъезда сторону дома, но большое количество деревьев усложняло обзор. Однако кое-что разглядеть все же было можно: кусочек дороги, по которой время от времени проходили люди, часть крыши подстанции и угол детского садика «Калинка», в который много-много лет назад ходил я, но после двух-трех проведенных там дней резко заявил своим родителям:

– Вы что меня туда засадили? Думаете, там мне будет лучше? Ха и еще раз ха! Да вы хоть можете представить, чем там кормят? Нет? Я тоже не могу, так как нас еще не кормили. Так что забирайте меня оттуда и оставляйте у бабушки, а сами и... работать можете, если других дел у вас конечно нет.

Так я и остался у бабушки до сегодняшнего дня. Хотел было к родителям переметнуться, да у них то нельзя, это нельзя... Здесь же все по-другому: можно все, что захочешь, только в отдельно-серьезных случаях могут и по лбу наступать.

Вздыхнув, я посмотрел на бегающих и весело резвящихся малышей у соседнего дома, взглянул на темнеющее небо, по которому туда-сюда за мошками летали стрижи и, зевнув, пошел спать.

*«Завтра к одиннадцати! Как бы не забыть, а то мало ли кто что мне под дверь подсыплет. У нас, как всегда, возможно все. Ну, только я узнаю...»*

*Черепушкою шуриша*

*Слезет крыша не спеша!»*

## **День шестой**

В назначенное время зазвенел будильник, потом еще один, еще... Выключив эти тарахтелки, я позвонил по ноль-пять – в службу точного времени и мне сообщили:

– Девять часов, пятнадцать ми...

– Точно у кого-то крыша «улетит», но потом, а сейчас...

Перекусив объедками со вчерашнего ужина и тем, что нашлось в холодильнике (колбаса, вареное мясо, яйцо и другие продукты), я наспех вымыл голову и уже через час стоял на остановке.

Тут, вижу, из-за «бугра» Микробная показала. «Бугор» – это у нас местный бар. Вы только не подумайте, что Оля из него выходила, нет, она просто живет в его стороне. Не знаю право, была она там или нет... ведь каждый день мимо ходит! Такой информацией только Вероника располагает, подруги как-никак, а спрашивать что-либо у этой вспыльчивой девчонки – Боже упаси. Подумаешь, когда-то, «псиную» таблетку принес. Сейчас другие времена.

Доехали настолько медленно, что я перепугался: «*Не опоздаем ли?*» Что за трамваи пошли? То дверь заклинит, то колесо отвалится, а на полпути какой-то ретивый безбилетник кондуктора из вагона выкинул. Так мы без нее и ехали (а та все за трамваем бежала и руками размахивала), пока, наконец, водитель через две остановки не заметил исчезновения «первого голоса трамвая».

За окном стояла теплая погода, и как я не сразу заметил такие перемены? Видимо, привык к дождливым дням. Сейчас, в отличие от вчерашнего, изменилось практически все: перестал лить дождь, на асфальтах полностью исчезли лужи... Веселые птицы – воробьи, голуби, вороны и галки, обрадовавшиеся лучам солнца, – выбрались из своих укромных мест и теперь всю порхали, где вздумается; люди моментально скинули куртки и остались в легких футболках и таких же брюках и трико. «*Один я, как идиот, джинсы напялил!*» Посмотрел по сторонам. «*А, нет, вон еще Микробная в таких же*».

В одиннадцать пятнадцать мы подошли к шатру. Я, естественно, впереди. Оля – позади.

Для наших девчонок подходит одно определение: «Как воды в рот набрали!» Ты у них спрашиваешь, спрашиваешь, а они сидят, как Тужуркина, да в окно смотрят. И ты перед ней хоть лоб расшиби, все равно не ответит. Она даже не услышит! Философская задумчивость – это хорошо, но не круглыми же сутками сидеть и пялиться на погоду! Нужно же когда-нибудь и повеселиться, развеять свое сонное состояние: сходить на природу, на рыбалку, там... я не знаю... по магазинам, в конце концов.

Проходя мимо ворот, закрытых на замок, я вспомнил, как в прошлом году вот так же стоял и мучительно думал: войти или не войти. Тогда я вошел и... вот теперь вы знаете то, что со мной стало.

Вспомнилась мне и доска объявлений. К ней была подключена сконструированная Иннокентием, о котором я тогда даже не догадывался и не представлял, кто это такой, тепловая ловушка, благодаря чему я успешно потрянул током двух ленивых милиционеров, которые спустя пару месяцев без толку гонялись по всему центру за Михаилом, в то время как я потчевал дорогих ревизоров «шоколадными шариками». А вон там зимой за забором был расположен батут, на который успешно, но с криками, приземлилась Евгения – двоюродная сестра Рублева. На пол бы метра в сторону, и наш цирк точно бы закрылся навсегда! Умен был Алешин

дядя, умен. А там...

В общем, в шатер я вошел только без пятнадцати двенадцать. Микробывая, наверное, никак не могла понять, по каким «дебрям я шастаю». Вроде шел впереди, а пришел на полчаса позже. Где был?

В этом году состоялся большой набор детей в цирковой коллектив. Могу поспорить, что здесь они собраны со всего города.

Пробираясь через все эту толпу упорно занимающихся девчонок и мальчишек, у которых, как мне показалось, мало что получалось, я чуть не столкнулся с Тужуркиной. Девочка посмотрела мне прямо в глаза, и тут вспомнилась одна ранее произнесенная фраза, от которой у Светы «зашевелились на затылке волосы», а из ушей чуть «пар не пошел».

Я улыбнулся и стал говорить как можно более четко и ясно:

– А ты, как я смотрю, все увеличиваешься в габаритных размерах!

Началось самое интересное! Глаза у девочки стали медленно расширяться и вместе с этим в меня полетел ее правый кулак. Не добравшись каких-то десять сантиметров, кулак сшиб с цилиндра какого-то мальчика, усердно разговаривающего со своим другом что ли? Потеряв равновесие, тот замахал руками и, свалившись на «обнаженный» манеж, преградил своим телом дорогу девочке, которая, видимо, сильно спешила, бежала, чуть ли не сломя голову и несла в ру-

ке пол-литровую банку с водой. Не решаясь останавливать-ся или обходить лежащего, девочка попыталась перешагнуть его, но ее нога запуталась в нем где-то в районе рук (видимо, не без чьей-то помощи). Та, естественно, как вы поняли, тоже потеряла равновесие и «поцеловалась» с опилками. Банка полетела вперед и... вода облила новое трико Мерзляковой, которая до этого хвасталась подружкам (как я слышал вполуха), что ей их купили вчера и стоят они не дешево.

Вот, отсюда правило: «Не стой на цилиндре там, где идут боевые действия»! Тем более такие крупномасштабные.

Каша получилась отменная. Аня злобно стояла, подперев бока руками и решала, кого побить: девочку, мальчика, Свету или всех сразу. Света, закрыв ладонью рот и смотря во все глаза, что-то бормотала себе под нос. Видимо, извинялась перед мальчиком, а заодно перед девочкой и, конечно же, перед своей подругой. Девочка же в это время пыталась высвободить ногу из цепких лап «неудачного» эквилибриста, но тщетные попытки ни к чему не привели. В свою очередь мальчик, пытался встать, но, не то из-за испуга, не то из-за чего-то еще, выпускать щиколотку чьей-то ноги похоже не собирался. Немного приподнявшись, он опрокинул пытающуюся встать девочку, которая потянула его за собой...

Из-за кулис я ясно видел, что Тужуркина и Мерзлякова уже переговорили друг с другом и, настроившись весьма решительно, пытались отыскать во всей этой толпе и неразберихе меня. Ха-ха! Я же ведь не буду спокойно стоять и ждать

пока некоторые товарищи наступят по голове.

Направляясь к гримерной, я по дороге поздоровался с руководителями, которые искренно посоветовали не заострять свое внимание на фокусах, а осваивать новые жанры. Я, конечно же, согласился.

– Ну, вот я и дома! – входя в гримерку, сказал я. – Как хорошо быть со своей семьей!

В комнатке я провел около часа и все придумывал, что бы такое сделать, то есть не оказаться мокрым, а то этот дуэт Тужуркина-Мерзлякова о-го-го что могут еще сотворить.

Придумал. Вышел. Оказался на манеже. Тут краем глаза замечаю, что ко мне кто-то несется. Поворачиваюсь – Мерзлякова, с банкой воды! И вы думаете, что я так и остался мокрым? Как бы не так! Я быстро открываю держащий сзади полиэтиленовый пакет и практически все (ну может каких-нибудь пять процентов и пролилось) собираю в него. От изумления, злости, обиды и еще чего-то Аня хотела было повыдирать мне волосы (об этом свидетельствовал ее взгляд), да не тут-то было! Наивная, так я ей и сдался.

– Ты чего разбушевалась? – я сделал удивленное лицо, отскакивая в сторону от запущенного мяча.

– Сам что ли не знаешь?

– Откуда же мне известно, что у вас тут происходило, пока меня не было.

– Это произошло раньше.

– Раньше? Раньше я вместе с Микробывой в трамвае ехал

и отвалившиеся колеса считал.

Девочка перестала швырять реквизит и посмотрела на Олю, а я тем временем отошел как можно дальше и сел в кресло – в одно из самых темных мест зрительного зала. Когда она обернулась, то держащую в руке булаву кидать было не в кого. Аня посмотрела по сторонам, а потом на рядом стоящих девчонок и мальчишек, но те не проронили ни слова. Может, боялись, что я окажусь в плохом настроении и настучу по макушке, может их останавливала сама Мерзлякова, которая в случае чего и отпинает, не задумываясь, а может, не хотели становиться между нами обоими – думали вдвойне получат?

Ничего не добившись от «партизан» коллектива, девочка оставила бесполезные попытки поиска и присоединилась к Скалкиной, которая беседовала с Тужуркиной.

Из-за кулис появились руководители (видимо, опять по каким-то срочным делам отлучались).

– Так, тишина на манеже! – крикнул Сергей Дмитриевич, отчего один из эквилибристов чуть не упал и не попробовал на вкус опилки.

– Замолчали и повернулись к руководителям все... Почти все.

– У меня наклейки новые – отпад! Рисунки – супер, красота! – продолжала говорить Ксения, полностью погрузившись в любимую тему.

– Это что, «Дуримон»? – спросила Света. – Тот, который

по ОРТ шел?

– Да, по ОРТ. Только не «Дуримон», а «Фигимон». Попрошу мои любимые мультики не оскорблять!

– Ой-ой-ой. Все, обиделась, да? Подумаешь...

– Кто-то не понял, что на манеже должна быть тишина? – спросил мужчина, обращаясь исключительно к этой троице.

Когда замолчали и они, разговор продолжила Любовь Васильевна:

– Сегодня, как вы, наверное, знаете, предпоследний день занятий. В четверг, тридцатого мая, мы встречаемся в последний раз в этом сезоне, и вы можете спокойно ехать в деревни и на дачи, сажать картошку и другие сельхозовощи. Но тридцатого должны быть все. Ясно?

Она дождалась, когда все кивнули головой или сказали: «Да».

– На сегодня репетиция закончена, но... но остаться ненадолго я прошу двенадцать человек, тех, кто выступали на этой неделе, а также Николая Древнего, Александра Продвинутого и Ирину Вздыбыреву! Остальным – спасибо за участие в прошлых выступлениях и до четверга.

Через пятнадцать минут, кроме указанных лиц, никого не было.

– Все собрались? – спросила женщина.

– Все, все!

– А Игнат где?

– Ушел он, – ответила Аня.

– Да какой там... вон он, в темноте сидит, – поправил девочку Иннокентий.

Руководитель посмотрела в ту сторону, куда указывал мальчик.

– Там?

Чтобы все увидели мое присутствие, я достал из кармана зажженную свечу и осветил свой укромный (от некоторых) уголок.

– Здесь.

– Ты чего туда забрался? – поинтересовался Сергей Дмитриевич. – Спускайся к нам!

– Я и отсюда все прекрасно слышу, и сразу соглашаюсь со всеми вашими предложениями.

– Предложениями?

– Это так, на всякий случай, чтобы десять раз не кричать – голос не рвать.

Свеча погасла, и мое место погрузилось во мрак.

– У меня к вам вопрос, – сказала Любовь Васильевна, решив оставить меня там, где я находился. – Кто летом куда уезжает?

Все подняли руки.

– А-а-а, ну тогда извините, вопросов больше нет.

Она встала.

– А что такое? – спросила Женя.

– «Что такое», спрашиваешь? Да дело в том, что шестого июля нас пригласили на выступление, но не просто на вы-

ступление, а на участие в конкурсе среди всех детских цирковых коллективов страны.

– Их всего около тридцати, – пояснил звукооператор.

– Но согласилось только двадцать три. Если предложение примем и мы, то будем двадцать четвертыми. У тех, кто отказался, видимо, тоже проблемы с летними каникулами – поздно сообщили. Конкурс длится ровно месяц, в Германии, во всем известном городе Хаген. Там общий сбор. Почему там? Вероятнее всего, они любят цирковое искусство, тем более детское. Этот город всегда был и будет нашим партнером-по-братимом. Ну, так что, заявлять о себе, или мы присоединимся к тем, кто отказался от этой затеи?

Собравшиеся не знали, что ответить. Признаться, даже я немного растерялся после таких слов. Про остальных даже не буду говорить. Все сидели, открыв рот, особенно мальчишки, но и девчонки проявили внимание и, в частности, Тужуркина, которая наконец-то отвлеклась от своих грез и полностью внимала речи Любови Васильевны.

– А... в Хаген? Мы? ... – прошептала Настя, боясь разрушить иллюзию.

– Именно туда, – подтвердил мужчина.

– И нас пригласили в Германию? – не верила Вероника.

– Конечно, стала бы я вас обманывать.

Женщина развернула держашую до сего момента трубочкой, бумагу и все ясно прочитали: «Приглашение на конкурс среди детских профессиональных цирковых коллективов».

Ниже следовали какие-то непонятные закорючки – видимо чья-то подпись и две печати: круглая и квадратная, с гербами нашей страны и Германии.

– Вау! – прохрипел Злобонервный и, достав из кармана пирожок, стал нервно кусать его со всех сторон.

– Ну, так что, едем?

– Да! – закричали все.

– Вот, – усмехнулся Сергей Дмитриевич, – как просто выступление, так нет никого, а как за границу, так все готовы.

– Отлично. Итак, если мы едем, то расписание на июнь такое: занятия во вторник, четверг, субботу и воскресенье с десяти до шести. Все могут?

– Да, да. Конечно!

– Значит, решено, едем! Но одно дело ваши слова, а другое – ваши родители. Что они скажут?

– Ничего!..

– Отпустят.

– Они тоже согласны.

– Тогда это все, что я вам хотела сказать. На сегодня занятие закончено! Говорите с родителями, а потом с ними поговорю я! Не забудьте – завтра выступление. Там и сообщите мнение взрослых по поводу этой поездки!

Безумно довольные дети стали расходиться по домам с наилучшими чувствами, которые мне не доводилось видеть ранее на их лицах.

Медленно спустившись, я подошел к руководителям.

– А как вы смотрите на то, чтобы восстановить номер «Гимнастка на шесте»?

– У тебя есть кто-то на примете, кто бы нам помог?

– Да. И причем давно.

– Друг?

– Кто же еще согласится?

– Мы вообще-то тоже подумывали спросить у тебя насчет еще одного участника, твоего возраста для поддержки Евгении, да дела, знаешь ли. Забывать стали! Но ты молодец, что сам предложил. Конечно, нам нужны люди, и хотя цирк у нас большой, проку от того все меньше и меньше.

– Приводи друга в июне, сразу на первую репетицию, – сказал мужчина и, встав, ушел за кулисы.

Попрощавшись до завтра с Любовью Васильевной, я вышел из шатра. Никого из уезжающих в Германию (хотя это все еще вилами по воде писано) и видно не было. Скорее всего, каждый спешил побыстрее добраться домой и сообщить радостную новость. В отличие от них, я никуда не спешил. Да и зачем? Дома меня никто не ждал, а делиться этим с друзьями не хотелось. Вот если бы «Макара» встретить – другое дело, а то всякие «Суселы» уже порядком надоели.

Солнце пекло так сильно, что мне вспомнились прошлогодние собачки, из-за чего мне сделалось грустно и тоскливо на душе. Солнцу кроме меня были рады все. Даже понурые деревья и те как-то уж слишком быстро выпрямились, распустили свои кроны и стали изо всех сил тянуться поближе

к желтому ослепительному кругу. Радостные звуки издавали птицы, пролетая туда-сюда и ища что-нибудь съестное, особенно в мусорных контейнерах. Я еще никогда в этом году не видел большого количества людей, гуляющих по центру города. Конечно, пять дней дождя доконают всех, но он закончился, и теперь можно от всей души развлекаться всеми доступными способами. Как мне хотелось в тот день забросить все и присоединиться к ним, но я выбрал свою судьбу, свой мир, и я рад, что являюсь участником цирка! Пусть смеются ненавистники и глупцы, совершенно ничего в этом не понимающие! Пусть говорят обо мне как хотят! Пусть смотрят как на полоумного, записавшегося не в секцию рукопашного боя или карате, а в какой-то цирк! Пусть. Это их дело, и меня совершенно не интересует чье-либо мнение. Цирк – это классика, а детский цирк, тем более профессиональный... Этим нужно гордиться!

За весь день так никто и не зашел. Лишь где-то в девятом часу раздался телефонный звонок. *«Как всегда, наверное, номером ошиблись. И почему мне никогда не удастся вовремя и спокойно вымыть голову. Обязательно кто-то да припрется!»* Выйдя из ванны и вытирая полотенцем сырые волосы, я подошел к телефону и поднял трубку.

– Алло.

...

Такую загробную тишину даже в фильмах ужасов не услышишь, а тут на тебе! Кто с аппаратом балуется? Узнаю –

уши пооткрочу. Потом я вспомнил рассказ Сани, который частенько говорил:

– Мой брат, когда спит и хочет, чтобы его никто не будил, отключает телефон. Если же это он забывает, то, как можно хриплее, гнусавее и громче кричит в трубку, типа: «Командующий батареей морских эсминцев слушает!» или «Служба безопасности. Кто говорит?» Мне же на ум пришло только одно:

– Вы говорите с автоответчиком директора психиатрической больницы. Оставьте свое сообщение после короткого электроразряда!

Для большей убедительности я стукнул кулаком по тумбочке, разорвал газету и, шикнув, прислушался. Где-то на другом конце линии раздался девичий смех и не один, а затем послышались короткие гудки. *«Вот так всегда! Нет, чтобы сообщение оставить, так сразу трубку кидают. Для кого я старался, Войкова вспоминал? Эх, совсем не хотят со мной говорить. Навести бы на них порчу, чтобы в следующий раз неповадно было людей от работы отвлекать!»* Я зевнул и приготовился ко сну. *«А что, неплохая идея. Вот закончатся выступления, пойду в магазин, куплю книгу и сразу все будет «океюшки»».*

В этот вечер никто так больше и не появился. Обычно от посетителей отбоя нет: то один придет, то другой, то Саша с очень интересной историей, то Михаил с Денисом или Пашей, вечно ищущие «Макара», как будто тот задолжал им

много денег, то Леха с вечным вопросом «Что делать?»

– Дома совершенно заняться нечем, – всегда говорил он. – И на рыбу не съездишь – не с чем, и на улице не погуляешь – не с кем. Вот и приходится к тебе идти. Тут и в картишки сыграть можно и так, о том – о сем поговорить.

А как порой хочется посидеть одному, чтобы никто не трогал, и насладиться прекрасным вечером, если такой бывает. Вот сидишь у окна и смотришь на небо, вспоминая прошлые годы, все то хорошее и все то плохое, что произошло за это время. Иногда невыносимо хочется вернуться в прошлое и исправить некоторые давно ушедшие моменты, повернуть жизнь в другую сторону и... Но такое, к сожалению, не под силу никому. Все четко определено для каждого человека, но бывает и такое, что именно человек творит свою судьбу. Только в мечтах я возвращаюсь назад и всегда в один наиболее приятный момент: подъезд, фонарный столб, морозящий дождик и блестящие от света капельки, похожие на утреннюю росу... Одно из самых лучших и запоминающихся впечатлений! Вот он – мир фантазий и иллюзий! Мой мир!

## **День седьмой**

*«И почему эта школьная мелюзга любит фокусы? – проснувшись, подумал я. – Никогда выспаться не дадут».*

Попробовал, как по телевизору, «зарядиться» новым бодрым и освежающим чаем «Брук Бонд», но меня вдруг потя-

нуло в сон, и я чуть не уткнулся в сковородку с картошкой. Да, силен чай, силен. От него не только на работу, в магазин не успеешь.

Надев легкую футболку и новомодные джинсы с лапиками на коленях, я вышел из дома, пообещав самому себе разобраться со всеми этими поездками бабушек-дедушек, и уже к девяти находился у ворот школы. Слава Богу, колесо у трамвая не отвалилось.

На крыльце уже стояли Света, Аня и Ксения. *«Сколько раз я говорил себе: не приходить раньше всех. Так нет – пришел. Теперь вот и думай, вспомнят они вчерашнее или нет!»* Во время увернулся от проезжающей машины (задумался), мне волей-неволей пришлось к ним подойти, да к тому же те уже заметили меня и сразу стали о чем-то перешептываться.

– Так, слушай меня внимательно, – начала Света. – Еще раз ты...

Тут дверь школы отварила так резко и сильно, что ударила Свету и та полетела на землю. Из здания выбежал пацан класса десятого и припустился по улице. Следом за ним показался человек в белом халате, похоже, учитель-химик, а может еще кто.

– Я тебе покажу, как в туалете костер из пробирок с «летучими» газами разжигать. Тоже мне, придумал, директору на стол тринитротолуол класть. Беги, беги и можешь не возвращаться! Ты отчислен! Все, хватит нам с тобой мучиться...

– Ты в порядке? – спросила Аня Свету, чуть наклонив-

шись вперед.

Та выплюнула пару зеленых листьев и, встав, произнесла:

– Пока ничего... Вечно с приходом Игната что-нибудь происходит.

– А вы что здесь делаете? – поравнявшись с нами, произнес мужчина. – Почему не на уроке? А ну марш! Перемена уже десять минут как закончилась. Тоже лодырничаете? Я...

– Из цирка мы, – перебила его Ксения.

– Из цирка... Какого цирка? Что вы мне цирк здесь устраиваете?

– Послушайте, – негромко сказал я, медленно поднимая на него глаза, – если вы не верите нашим словам – поговорите с директором! Там должны знать, что мы сегодня здесь выступаем.

– Хорошо, – наконец согласился он. – Тогда покажите что-нибудь из своей программы!

Все посмотрели на меня.

Так-так, значит, когда кто-то виноват – это всегда я, когда нужно из беды кого выручать – тоже я, сразу идут и моментально забывают кто прав, а кто виноват. Что ж, хорошо, помогу! Заведя руки за спину, я спросил:

– И что же вы хотите посмотреть?

– Я же сказал, что-нибудь!

– Ладно.

Я показал пустые ладони, сложил их вместе и через пару секунд, разведя в стороны, раскрыл два карточных веера.

Затем опять сложил руки, и вот у меня осталась только одна карта. Взяв ее двумя пальцами, я запустил ее вперед и она, будто превратившись в бумеранг, описала дугу за мужчиной и полетела в сторону Ани. Поймав ее в метре от девочки, я показал всем, что это туз пик, но в следующее мгновение он поменялся на трефовый, а потом и вообще исчез, вслед за «растаявшей» основной колодой.

– Потрясающе! – произнес он. – Но я все равно спрошу у организатора, есть ли сегодня какой цирк.

– Зачем далеко ходить? Вон и объявление висит, – и я указал, через стекло, на приклеенную к стене нашу персональную визитную карточку – афишу.

Мужчина вошел в здание и подошел к указанному месту.

Почти в это же время появился автобус с остальными артистами. Выгрузились быстро и весело, так весело, что Иннокентий чуть не пришиб чемоданом Настю. Та даже ничего и не заметила.

Войдя в актовый зал, я понял, что это не тридцать четвертая школа и даже не одиннадцатая: кулис не было вообще – одно пустое пространство; одна единственная штора криво висела и прикрывала стену, чтобы присутствующим не так страшно казалось. Зал располагался не ступеньками, как в некоторых школах, а прямым ровным полом, который страшно скрипел. Сцена на удивление была ровной, но постоянно вибрировала и выгибалась то в одном, то в другом месте. *«Ох, и не повезет же сегодня нашей моноциклистке!»*

Представление началось вовремя, хотя некоторые артисты и не успели к началу переодеться. Несмотря ни на что, народу собралось много, заняли все имеющиеся в наличии скамейки, да еще и стулья у некоторых классов принесли. Скажу Вам по секрету, оказалось их всего-навсего шестьдесят восемь человек. В детских садах и то больше бывает, за сотню иногда переваливает.

В ударе сегодня отчего-то оказалась Фоменкова. Видимо, мои мысли дошли до ее подсознания, и она блестяще справилась с «Пластическим этюдом», отчего получила безусловно заслуженные аплодисменты. Не подкачала она и в «Акробатическом дуэте», завершив его не по отдельности, как это часто бывает, а синхронно с Настей, чем порадовали Любовь Васильевну, которая давно ждала от этих девочек настоящей цирковой работы. Сегодня они доказали, что цирк, скрипя зубами, еще пока может называться профессиональным.

Вот моноциклистка Вероника чуть не загубила всю программу, едва не свалившись со своего «велосипеда»: на третьем кругу ее поездки подвела одна из ненадежных дощечек, и девочка практически отлетела от своего реквизита. Но ей все же удалось сделать практически невозможное (оказывается, не один я иллюзионист в цирке). Зрителям, да и нам в том числе, показалось, что такое сошествие с моноцикла было запланировано и все, как обычно, идет по заранее продуманному сценарию. Одна только руководитель заметила ее ошибку и укоризненно покачала головой. Завершив но-

мер, Вероника отложила в сторону одноколесный «велосипед» и села на стул, укрывшись за поставленную нами ширмочку. Ее настроение, из радостного и веселого моментально преобразилось в хмурое и подавленное. Я знал, что сегодня ей не повезло. Она глубоко переживала свой срыв и вскоре на ее розовом, от косметики, лице, выступили слезы – первые слезы, которые я увидел от Вероники (или вторые... эх, склероз-склероз). Девочка просто сидела с закрытыми глазами, обхватив голову руками и плакала. Она не спешила переодеваться на жонглеров не потому, что те были самым последним номером, а из-за того, что ее, по всей вероятности, мучили угрызения совести. Она – мастер езды на моноцикле – облажалась, испортила хорошее настроение Любове Васильевны и чуть не ударила в грязь лицом перед зрителями. Да, эта девочка любит подолгу поспать; да, она иногда ведет себя неэстетично, иногда спорит по пустякам с руководителями, но самое главное ее качество – отношение к своим номерам. Вероника понимает доверие и возложенную на нее ответственность, старается, по мере сил, делая невозможное, не подводить и показать себя во всем великолепии и красоте. Она безусловно, достойна называться профессионалом!

*«Ее сентиментальность, пожалуй, превзошла мою, – подумал я, наблюдая за ней. – Никогда бы не поверил, пока не увидел собственными глазами. Обычно...»*

– А теперь – фокусы. Встречайте! Игнат Белов!

*«Прощай мысли! Никогда не дадут высказаться. Что за привычка перебивать в самый неподходящий момент?»*

Выйдя на сцену, я взял со столика большой красный платок, окантованный желтой бахромой, и накинул его на левую руку. Взял там же палочку, окрашенную под цвет платка и, сделав в нем небольшое углубление, попытался палочкой пробить материал. Как ни странно, но она прошла сквозь платок, не сделав ни одной дырочки. Я показал зрителям целый и невредимый платок и опять накинул на руку. В этот момент я стал вынимать из-под него платочки. Первый, второй, третий, все разного цвета и с блестками, хотя в таком полумраке разобрать что-либо было сложно.

Вынесли сачок. Обыкновенный. Показав его со всех сторон, даже изнутри, я положил в него по очереди эти три платочка, сделал пару пассивов и вытянул их уже связанными, а следом еще и полутораметровую веревку (где-то в середине зала послышалось: «Ух ты!»). Когда забрали «волшебный» сачок, я стал проделывать с веревочкой следующие манипуляции: завязал на ней четыре узла, не забыв показать их аудитории, но потом покачал головой и, сложив их в кулак, потянул за кончик свисающей части веревки – узлы исчезли. Тогда я завязал одно колечко (это тот же самый узел, только не затянутый до конца), второе, продел конец в одну петлю, в другую и у меня в руках вновь ровная веревка. Намотав ее на четыре пальца левой руки, я потянул за один из концов и на ней вновь четыре узла. Сделав недовольное лицо, и вто-

рой раз покачав головой – потянул... узлы растворились. Затем вновь обмотал вокруг руки, встряхнул, держась за один кончик, и на ней уже настоящие четыре неразвязывающихся узла. Скомкав ее – положил в карман, а достал оттуда пятидесятирублевую банкноту.

Порывшись по карманам дальше, я вытащил прямоугольный конверт и убедил публику в том, что он пуст (то есть раскрыл его и потряс). Потом положил в него деньги и... разорвал. В зале прошла волна удивления (мол, как это так, разорвать пятьдесят рублей). Но в следующее мгновение я «склеил» из останков первой совершенно новую и не порванную денежную купюру. Все облегченно вздохнули, так как поняли, что фокус удался. А вдруг бы нет?

На сей раз мне вынесли алюминиевый треугольник в красно-желтую полоску. Закинув туда полсотни, сделал взмах рукой и, улыбнувшись, вновь достал ее. Отдал ассистентке, улыбнулся, осматривая мальчишек и девчонок, ждущих эффекта и... достал другую, а потом еще и еще... В общем, собралось таким образом не меньше тысячи рублей. Аплодисментами зрители как бы сказали, что это самый лучший трюк из всех предыдущих, но у меня оставался еще финальный, к которому я незамедлительно и перешел.

Вызвав двух добровольцев из зала, я дал им в руки по два конца от двух длинных веревок, на которые повесил четыре кольца, завязав каждое по отдельности. У третьего одолжил, ненадолго, разумеется, костюмчик, более или менее напоми-

нающий пиджак, продел в него рукава веревки, перевязал для большей надежности и... достал сначала одно кольцо – дал девочке, потом второе – дал мальчику, третье и четвертое, а потом костюм вдруг сам собой соскочил с веревок ко мне в руки, оставив в недоумении стоящих на сцене детей.

Отдав его обратно, взяв кольца и веревки, я отправил всех обратно по местам и, сделав завершающий комплимент, удалился вглубь сцены за собственную ширмочку.

*«Вроде получилось все»*, – подумал я, переодеваясь на жонглеров.

Не скажу, что «Муха» прошла удачно (Подчечуйкина опять забыла свои слова), но зрители все равно смеялись, видимо, не обратили на это никакого внимания. В отличие от нее, «Ваза» и «Жонглеры» поразили публику больше, к тому же искусство жонглирования показывал ученик этой школы – Александр Продвинутый. Далек же он продвинулся! Пришел в цирк еще полгода назад, а научился только мячи да булавы кидать.

Больше всего в представлениях Любове Васильевне нравилось говорить такие слова: *«До свидания! До новых встреч!»*, так как выступление закончилось и не надо суесться, бегать туда-сюда и волноваться за артистов, пройдет успешно номер или нет. После этого, мы, как и сейчас, быстренько собирались и выходили на улицу, где нас уже ждал автобус. В школах, как и в детских садах, мы не стремились долго задерживаться, ведь неизвестно, с какой стороны мо-

жет выскочить ученик-другой и стащить что-нибудь особо нужное.

Идя по длинному коридору, мы прошли мимо ряда висящих полок, на одной из которых самой ближней к окну, сидела черная кошка, а, может быть, и кот. *«Где-то я уже видел такую картину, – подумал я не останавливаясь. – Точно, на кухне у Вероники, когда однажды проходил мимо. Только там еще какой-то кактус с листьями стоял. Значит не та картина».*

Оказавшись на крыльце школы, Любовь Васильевна, как всегда, по традиции, наверное, остановилась и обратилась ко всем нам, в то время как Сергей Дмитриевич вместе с водителем заносил реквизит в автобус:

– Хочу поблагодарить вас за сегодняшнее, для некоторых последнее выступление на этой неделе и в этом месяце. В целом оно прошло удачно, намного лучше, чем те, которые были раньше. Да, в некоторых моментах все шло не так хорошо, как должно было быть, но вы сегодня показали как раз именно ту программу, которая должна быть в настоящем профессиональном цирке. Особенно меня удивил Паша, который все-таки пришел один раз за всю неделю и не стоял у плюшечной, а направился сразу сюда, хотя и опоздал на пять минут. К сожалению, Подчечуйкина со своей ролью в «Мухе» не справилась. Оля, что случилось? Текст забыла или кого из знакомых в зале увидела?

Девочка пожала плечами и тихо (говорить громко у нее

что-то редко получалось, по большей части все шепотом и как только в клоунскую группу попала):

– Извините! Этого больше не повторится!

*«Неужели... неужели первый раз извинились за неудачное выступление?» У меня чуть бейсболка с головы не слетела. «Кто бы мог подумать, что Оля такое скажет? Это все-таки Подчечуйкина, а не кто-либо другой. Она только хихикать с девчонками умеет, а больше ничего! Но тут... Слов просто нет, да и мыслей тоже».*

– Неужели хоть кто-то извинился, – будто прочитав мои мысли, воскликнула руководитель.

– Брось, быть такого не может! – изумился Сергей Дмитриевич.

– Да нет же, было! Все подтвердят!

Мы закивали головой, а мужчина заулыбался.

– Потрясающе!

– Теперь насчет завтрашнего выступления. Будет то же самое, что мы показывали в субботу, то есть дуэт акробатов и «Жонглеры». Значит, Иннокентий, Павел, Вячеслав и Ольга Микробывая приходят в четверг. Остальные в свое время, и раз все согласны на поездку, а родители не против, то тридцатого будем детально оговаривать план наших репетиций. До завтра!

Она вместе с Фоменковой, Скалкиной и Романовым села в автобус и поехала к шатру, намереваясь по дороге, то есть в центре, высадить эту троицу. Я же в сопровождении

Кеши, Веры, Ани и Светланы направился... Никогда не догадаетесь куда! На остановку трамвая! Всю дорогу мальчик травил анекдоты, рассказывал всевозможные байки и истории, да еще пару раз пытался привязать Светину кофточку к сиденью трамвая, но каждый раз бдительная подруга Аня предотвращала диверсию. Такой вот веселой и шумной кучкой мы доехали до конечной остановки и разошлись по домам, обещая встретиться, может быть, даже и завтра, часа в три.

Вообще-то, по числу опрошенных респондентов, о которых я вычитал в одной очень интересной газете, понедельник считается очень тяжелым днем. Может, потому что он открывает новую рабочую неделю, может, это связано с какими-нибудь биомагнитными полями Земли, а может, это все корнями уходит в давно минувшие годы, когда один умник придумал эту дребедень? Так или иначе, но у меня, да и не только у меня, понедельник не такой уж и плохой день, как о нем говорят.

Как всегда, к трем часам прибежал Саня.

– Ты только представь, я сегодня такого леща поймал... О-о-о! Это нужно было видеть. Правда, он с крючка сорвался, да к тому же кусок удочки отломал, но зато какой красавец! Загляденье. Вот только не помню, был ли это действительно лещ.

– Я тут насчет шеста с руководителями разговаривал...

– И что?

По его лицу стало ясно, что он весь во внимании.

– Все в полном порядке. Шест с твоим, да и с моим участием будет, только не сейчас, а как минимум в сентябре.

– Тогда этот номер пролетает.

– Пролетает? Ты ведь сам набивался.

– Сам?

– Ну, ладно-ладно, за пиво. В чем же дело?

– В отличие от тебя, меня могут и в армию забрать.

Я с минуту молчал, глядя в только что выпитую кружку чая.

– Да-а-а, неприятные известия. Слушай, а может тебе в бубен дать?

– Ты чего, с балкона шибанулся?

– А что? Признают недееспособным по мыслительной части. Зато у нас в цирке останешься. Будешь всегда для поддержки и подтанцовки. У нас, кстати, сейчас новая шоу-группа создается «Анастасия и компания» называется. Ты там можешь махать чем-нибудь. Руками, к примеру.

– А не пойти ли тебе со своими танцами куда подальше? Маленький я, что ли?

– А я?

Он пристально меня осмотрел.

– Честно?

– По мере возможности.

– Тогда – да.

– Спасибо за откровенность. Может тогда тебя...

– Нет, не надо!

– А если...

– И думать забудь!

– Как знаешь, дело твое.

Зазвенел телефон.

– Слушай, будь другом – подойди, а?

Саша пожал плечами, говоря как бы: «Пожалуйста, делов-то куча!», но при этом не понимая, почему не могу подойти я. Он, не спеша подошел, снял трубку и как можно более выразительнее сказал: «Алло». Затем сделал еще более удивленное лицо и, положив его на место, сказал:

– Трубку повесили.

– Опять кто-то балуется.

– А что, разве еще звонили?

– А то! Почти каждый день наяривают.

– Колись!

– Нет, спасибо, я лучше чай попью.

– В смысле, карты на стол!

– Спасибо, но в «дурачка» что-то не тянет.

– Господи, как же он туп! Я спрашиваю, кто это был?

– Это? – кивнул я на телефонный аппарат. – А леший их знает. Мало ли кому в голову что придет.

За окном стояла великолепная погода, но на улицу совершенно не тянуло. Так что зря меня уговаривал Саня поехать с ним на озеро. Три часа прошло, как они отъехали на Мишкиной машине от моего дома, а я все стоял у окна и любовал-

ся природой. Ха! Какая природа может быть, сидя в квартире. Точно на чем-то помешался.

Деревья стояли спокойно, не качаясь и даже не шевеля листвой. Пропал и тот еле уловимый ветерок, который был с утра. Солнце двигалось к горизонту, хотя какой горизонт может быть в городе – сплошные дома, а между ними еще, а там опять и снова. Нет, природу нужно искать за городом и лучше всего в одиночестве, когда тебя никто не торопит и сам не спешит уехать, уйти из какого-нибудь чудесного места. Только в одиночестве, в лесной красоте, человек может найти себя, понять многое, до этого момента неизвестное, узнать новое, никогда не изученное. Природа вдохновляет людей, дает частицу спокойствия. Только тот, кто по-настоящему видит все это, может совершить многое!

*«Почему все считают меня неспособным чувствовать сострадание?»*

## **День восьмой**

Эх, везет цирковым артистам, а наши ребята в училище учатся, работают – не повезло. Моя жизнь чем-то похожа на две параллельно идущие, но иногда пересекающиеся линии. Как же все-таки хорошо чувствовать себя кем-то значимым, на которого надеются и ждут.

На улице была такая же чудесная погода, как вчера, может даже и лучше, а до трех часов делать было нечего совер-

шенно. Друзей в этот час дома, конечно, нет: Леша в школе, Мишка на работе, Саня по утрам вечно в гараже сидит, причем в соседском. Что там делать? Лучше на рыбалку сходить. Ну и что, когда до нее километров за двадцать? Прогулка по свежему воздуху никогда не помешает, наоборот, укрепляет опорно-двигательную систему нижних конечностей.

Прямо около уха затрещал надоедливый телефон. *«Выкинуть бы его за балкон, чтобы не отвлекал от мысленных блужданий!»* Я долго не снимал трубку, а он все звонил и звонил. Наконец, где-то после двадцатого гудка терпение лопнуло.

– Алло! – крикнул я в трубку, собираясь прочесть лекцию на тему: *«Как плохо звонить и при этом не говорить ничего»*.

*«Не «стиморола» же они переели, который так свяжет челюсти и сведет прямую кишку, что тогда уж точно лучше молчать, чем говорить»*. Но все мои надежды на заранее подготовленную речь не оправдались. Сквозь шум, треск и помехи пробился голос Миши – моего бывшего одноклассника и лучшего друга (по крайней мере он таким был, пока не стал злоупотреблять «газированной водой» с градусами), который, как Вы помните, участвовал со всеми остальными в весело-деловой операции «Вихрь антиревизор».

– Алло! – крикнул он еще громче меня.

*«Ну, слава Богу, а то звонят тут всякие, не представляются даже!»*

– А, Миш, здоров! Сколько лет, сколько зим! Отчего вдруг решил позвонить?

– Да сижу дома. Делать нечего. Никого нет, все на работе. Абсолютно все!

– Так ты к нам приезжай! У нас тут всегда весело.

– Ага. У меня проездного нет.

Я знал, что он скажет именно так. Сколько раз предлагал приехать, навестить: Саню, Леху... А он все: *«Проездного нет! Проездного нет!»* Забрался же черт знает куда – аж на другой конец города, там, где Лавочкина... или Скамеечкина... теперь уже точно не помню – километрах в двадцати от наших мест, это если на прямик считать. А уж если на трамвае да автобусе – все тридцать будет. Теперь если раз в месяц приедет – достижением считается. Что он там днями делает? *«Воду»* хлещет, от которой потом в голове *«ни бум-бум»*?

– Я чего звоню, тут на днях должен Юрий из Москвы приехать. Может, соберемся, где отметим?

*«Ему бы все собираться!»* Кстати, Юрий – один из нашей школьной четверки. Все «умные» ребята еще в шестом классе разбежались. Так мы до одиннадцатого вместе и продержались. Соотношение сил, конечно, было не в нашу пользу – четверо к шестнадцати, но в некоторых случаях девчонки уступали и соглашались с нами. На уроках мы всегда сидели на последних партах, таким своеобразным квадратом и учитель литературы всегда *«подкалывал»* нас чем-то вроде: *«А что нам может сказать вон то заднее болото, удобно*

*расположившееся среди всего этого цветника»* (цветником он любил называть противоположную нам половину). Но мы сохраняли гордое молчание, и ему приходилось изрядно покричать, прежде чем добиться хоть какого-нибудь ответа.

– Отметим-отметим, только на следующей неделе, а то эта у меня полностью загружена.

– Хорошо, тогда я еще потом позвоню, дня через три-четыре.

*«Ну, вот и еще один нашелся, – подумал я, опуская трубку. – Долго же он раздумывал, прежде чем позвонить. Со всем отошел от дел, а был же нормальным человеком!»*

До выступления, как показывали будильники, оставалось чуть больше двух часов. Не спеша одевшись и выйдя на улицу, я решил пройтись по магазинам, раз еще позволяет время. Ходил долго и не заметил, как пешком дошел до центра города. Это же надо умудриться так идти, чтобы не заметить, как полгорода обойти. Как говорили мои друзья: *«Запомни, мы с тобой по магазинам ходить больше не будем! Ты же так несешься, что и на машине не догонишь. Ищи других дураков!»*

Как ни странно, но меня даже не остановила от прогулки жаркая погода. Я ее будто не замечал. Единственное, что я видел кроме магазинов с разнообразными товарами, – какого-то пьяного мужика, к которому тихо и незаметно подкрадывались два сотрудника милиции, собираясь, по всей вероятности, одеть на него «браслеты» и отправить в какую-ни-

будь кутузку. Погода в этот день меня мало интересовала, а попросту не интересовала вообще. Раз дождя нет, значит хорошо, можно и побродить больше обычного.

Легкий ветерок трепал вымытые после Мишкиного звонка волосы и делал воздух чистым, прогоняя прочь все выхлопные газы от машин и других вредных агрегатов. На небе с утра не показывалось ни облачка, из чего можно было сделать вывод, что такая прекрасная погода продержится до самого вечера. На улице было так хорошо, что даже не хотелось забираться в дом, а просто найти где-нибудь тенек и посидеть пару часиков, предаваясь воспоминаниям, а мне было что вспомнить – как хорошее, так и плохое. Оставаться, к сожалению, сегодня нельзя, несмотря ни на что, даже на такой великолепный день. На носу выступление (даже ближе), опаздывать ну совсем не следует. Как-никак последнее завершающее выступление, а уж после... после можно и мечтам предаться, даже не обязательно цирковым, хотя и об этом нужно никогда не забывать.

Подходя к ДК профсоюзов, я увидел, как над кирпичачами тротуарной плитки дрожит воздух. Это всегда замечается при такой жаре, да и не я единственный, кто открывал такую истину.

– Ну а ты-то где ходишь? – возмущенно спросил Сергей Дмитриевич, недовольно поглядывая на часы. – Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?

– А то нет, – посмотрел на часы. – Без пятнадцати четыре!

– Твои часы на «керосине». Смени масло! Открой глаза – пол пятого уже!

– Да?

Я удивился и не знал, что ответить. Неужели придется все время следить за этой полуразвалившейся техникой и проверять каждый ее шаг по телефону? Да от этого «крыша быстрее уедет». Кому сказать – в квартире куча часов, и ни одни не работают. Что же это твориться? *«Точно кого-нибудь побью!»*

– Значит, на керосине, – согласился я с женщиной.

– Ладно, пошли. Ждут только тебя. Вообще-то мы и без тебя смогли бы, но Любовь Васильевна, как тебе известно, всех ждет до конца, не теряя надежды, что тот или иной артист придет. Даже и на Пашу она до конца рассчитывала.

– А разве все уже пришли?

– И ты еще спрашиваешь?

– Даже Вероника?

– О, Вероника! Она пришла самая первая.

– Самая первая? – я не поверил сказанному.

Видимо, ее утром током тряхануло (может розетку с вилкой перепутала или еще что, но мне, к сожалению, не известны все эти подробности). Да еще как тряхануло! Попала, наверное, «под горячую руку»... в смысле проводку. А может, изменилась? Не-ет, что-то менять не в ее привычках.

– Скажу по секрету, ты только не болтай никому, мы даже собирались в четверг распрощаться с ней, то есть про-

сто-напросто выставить за пределы нашего шатра. Слишком уж она воображает и ставит себя превыше всего и всех, но ее сегодняшней приход вселил в нас надежды, что она изменится. Если этого не произойдет, то никогда не поздно помахать рукой.

Слушал я мужчину в пол-уха – занят был какими-то своими рассуждениями, которые почему-то не удерживались в голове и быстро растворялись в небытие. Единственное, что из его слов четко вырисовывалось в подсознании – это «... она изменилась!» Может Вероника и правда изменилась? *«Неизвестно, что ожидать в следующее мгновение от женщин!»* – говорил Юрий Михайлович, учитель литературы, которого я всегда уважал и прислушивался ко многим его словам, цитируя их по мере надобности, но он этого не любил, а на вопрос *«Почему?»*, отвечал: *«Я не диктор и не представитель Думы, чтобы за мной все повторяли!»* Отвлечлись мы от темы. Вернемся чуть назад. Так вот, в данном случае, его слова подходят, но не на все сто. Голову «сло-мать» можно! Почему меня наградили таким полетом фантазии? Чем я лучше других? Чем? Ничем!

– Ну, наконец-то! – произнесла Любовь Васильевна. – Я опасалась, что ты не придешь.

– К счастью, я не имею привычки пропускать представления даже по уважительной причине.

– Твой костюм!

Женщина протянула мне расшитый блестками полуком-

бинезон, мою собственную белую рубашку, ботинки и добавила:

– Выход через пятнадцать минут.

– Рановато что-то сегодня.

– Просто у них в программе что-то не сошлось, вот и решили нас первыми пустить, а за это время исправить все неполадки.

Остальные артисты давно сидели в костюмах и совершенно ни о чем не беспокоились. Это они сейчас так сидят и беседуют друг с другом. Просто никто не догадывается, что будет позже.

– Открывает наше представление цирк!

Начался дуэт акробатов.

Все жонглеры, кроме меня, встали и направились к сцене, в так называемый «кармашек» кулис. Я задержался, демонстративно завязывая (в третий раз) левый ботинок.

– Ты скоро? – спросила Аня, выглядывая из-за двери.

– Да-да, уже иду.

Завершив свое дело, я успел как раз вовремя, и мне даже почти не пришлось ждать своего выхода. Как шел из гримерной, так и пошел дальше на сцену. Номер прошел безупречно. Даже Подчечуйкина с вечно «дырявыми руками» не уронила ни одного мяча, чем несказанно порадовала Любовь Васильевну. Видимо, Оля пыталась доказать, что может пригодиться в Хагене. И почему туда все хотят попасть? Дома плохо, что ли?

Заслужив бурные свистящие аплодисменты, мы вернулись в гримерную.

– Отлично справились! – похвалил Сергей Дмитриевич.

– Вот можешь же нормально кидать, когда захочешь, – обратилась руководитель к Подчечуйкиной. – И не надо делать такое невинное лицо. Ты, так же, как и я, прекрасно знаешь, что тебе учиться и учиться, и путь твой к завершению обучения не близок, хотя и не стоит на месте...

– Извините! – вмешался я. – Можно мне уйти, а то сегодня крупные дела намечаются... скоро!

– Пожалуйста. Тебя никто не задерживает. Разложи реквизит и костюм по чемоданам, и можешь быть свободен.

Сделав все, как говорила Любовь Васильевна, я направился к выходу и как раз вовремя.

– Опять мне ботинки завязали! – громыхнул голос Вероники.

– И мне... и мне... – послышалось со всех сторон.

– Только догоню – пришлепну сразу! – это уже Света.

В меня полетела пустая консервная банка (где откопали такой антиквариат), но упала далеко позади. А я тем временем шил подальше уйти. Действительно, никогда не узнаешь, что им может прийти в следующий момент.

Шел я так быстро, что, честно говоря, не сразу заметил Игоря, прогуливающего со своими друзьями. Как можно более незаметно я проскользнул мимо (увидит – не отвяжется) и даже успел на автобус, на котором уже не катался недели

две, а с улицы Ленина и того больше. Иногда, когда куда торопишься, ну никак не дождешься его, зато в любой другой момент – пожалуйста, едут один за другим. Проверено, можете не проверять!

Полчаса – и я дома. Только вот делать ну совершенно нечего. Почему я люблю цирк? Да потому, что это всегда праздник, веселье, счастливые улыбки на лицах как окружающих, так и самих артистов. Там я как бы ощущаю себя в «своей тарелке», но нельзя забывать, что программа не бесконечна, а выступление, даже только что начавшееся, неминуемо приближается к завершению. А что делать потом, приходя домой? Вспоминать, как удачно оказались связанными шнурки у Ани и Светы? Может, грустить о неудавшихся трюках или радоваться получившимся? Все это в прошлом, в мечтах, в «Мечте», которая зачеркнула еще один день гастролей и ни под каким предлогом не собиралась останавливаться на достигнутом. Как жаль, что нельзя всегда находиться при цирке, при манеже, который навевает стародавние (прошлогодние) выступления. Я почему-то всегда грущу по вечерам, после новых премьер. Может от избытка чувств? Может от одиночества? Неужели воспоминания беспокоят меня одного?

Пересев на стул, я стал вглядываться в ночное небо, в многочисленные, рассеянные далеко друг от друга звезды, распространяющие, как мне показалось, тепло. Этим можно было любоваться до бесконечности, то есть до самого утра.

Они будто вдохновляли на иное творчество, хотя я отродясь ничего не писал, кроме, разумеется, школьных сочинений. А почему бы, действительно, не взять перо и бумагу и не написать какую-нибудь легендарную эпопею «Есть ли жизнь на Солнце»? Шучу, конечно же! Если у меня вдруг действительно слетит «крыша», а шарики благополучно зайдут за ролики и я все-таки возьму в руки необходимые предметы, то напишу что-то вроде: «Цирк в цирке»... Нет-нет, э-э-э... «Цирк превыше всего!». Тоже не то. В общем вы, надеюсь, уловили суть моих мыслей.

Отбросив все эти наваждения, я принял решение, что такой ерундой заниматься не буду, а просто возьму какую-нибудь книжечку и прочитаю пару глав. Кстати – лучшее средство от бессонницы. Только вот читать нечего. Стоит на полках всякая дурь, от которой балдеет моя бабушка: «Секрет запеканки восемнадцать», «Пизанская башня: три дня до разрушения», «Колорадский жук штурмует кофейные плантации – часть первая» и «Мокрое дело полосатых – часть вторая». Как можно увлекаться такими историями, особенно если они идут по три года по телевизору, как одна недавно закончившаяся. Значит, рассказывается про древнейшие времена, когда жили гунны, инки, варвары и другие кочевые племена. И вот однажды у короля похитили дочку Санту, которую вызвался спасти один добрый, но бедный рыцарь-варвар (еще бы, бедному-то все равно, а богатый не дурак, ему такие подвиги не нужны, он и на коня не залезет –

раздавит). Вот и получился фильм «Санта-варвара», протяженностью в долгие-долгие годы.

У меня бы не хватило терпения днями сидеть у телевизора и тарашиться на повторяющиеся в десятый раз эпизоды.

По небу проплыла туча и заслонила звезды. Размышления прервались так же быстро, как и возникли. Спать не хотелось совершенно, но с каждой минутой появлялись какие-то тревожные ощущения. Что-то должно было произойти. Очень скоро и очень серьезное. Возможно, это повлияет на нас всех, а возможно я уже дошел до кондиции и приближаюсь к роликам, завернутым в шарики.

Невозможно предположить, когда наступит глюк. Все происходит само собой, будто кто-то заранее заложил эту схему, по которой нужно действовать. Никогда нельзя полностью рассчитывать на свои силы. Все относительно!

## **День девятый**

Почему-то я думал, что самым коротким и нудным для меня из всех прошедших был вчерашний день, но как оказалось – это не так. Практически до самого вечера я вспоминал прошедший год, а именно его вторую половину. С чего бы это вдруг?

В училище не пошел – зачем-то ведь давали освобождение до четверга! А с другой стороны, что там делать? Ну, посидишь, в картишки перекинешься с парой – тройкой че-

ловек, а потом и домой пойдешь. Так что устроил сегодня себе выходной от всех дел, даже от друзей, которые и сами не пришли (видимо, знали), только ближе к полудню немного постирал, вымыл пол, приготовил обед, передвинул пару особо мешающих тумбочек и докрасил часть балкона, а так больше работой не занимался.

В голову лезли всякие мысли, как я, к примеру, первый раз попал в шатер и показывал Любове Васильевне некоторые трюки из своего репертуара.

– Что привело тебя сюда? Обычно юноши твоего возраста не приходят. Говорят: *«Это нам не нужно! Мы уже взрослые!»* Но ты же пришел! Почему?

Как ни странно, но я часто сам себе задавал этот вопрос. Почему? Тогда это было чем-то вроде развлечения, игры, доказательства себе, что поставленной задачи можно добиться. Мы даже с «Макаром» поспорили уже на второй день после посещения коллектива «Мечта». Он говорил: *«Долго не выдержишься. Уйдешь!»* Так практически и произошло, но через полгода и все из-за какого-то Рублева я был вынужден покинуть пределы шатра. Это всего лишь одно черное пятнышко. О нем я тогда не думал и не знал, а часами и днями проводил свободное время в цирке, работая над собой и своим реквизитом. Именно там добился многого! Именно там приобрел нужные знания и мастерство, которого не было у других (кроме, конечно же, тех, кто занимался)!

Я вспомнил подкинутую Иннокентием коробку – пода-

рок с обезглавленной крысой, которой до этого сделали харакири. Тогда Мерзлякова находилась «на вершине счастья». Просто сидела с широко раскрытыми глазами и еще более раскрытым ртом. Помнится, мне пришлось еще успокаивать Настю. Ведь из-за ее душераздирающего крика сбежался весь шатер. Дошутится когда-нибудь Кеша, дошутится! Подсунут ему газировку со слабительным – целый день в сидячем положении проведет. Но больше всего из негативных явлений мне запомнился Женин полет над «гнездом» циркового коллектива. Ох, и перепугала она всех нас, особенно Любовь Васильевну, а ведь из-за чего? Ради кого? Просто нужно было во что бы то ни стало отвести подозрение от дорогого-любимого двоюродного братца. Интересно, они сейчас видятся друг с другом? Конечно, почему бы и нет! Кто об этом узнает? Не буду вмешиваться в чужую личную жизнь. Они, надеюсь, знают, что делают. Пусть разбираются, как хотят. Если выводы из случившегося они сделали – я только рад!

Самым главным своим достижением я, конечно же, считал операцию «Антиревизор» (даже «Антитаракан» казался мелочевкой), которая подтвердила талант друзей в театральном искусстве. Они даже сами признавались, что это им понравилось, а я на радостях восемьсот рублей выиграл. Даже не знаю, как это получилось. А интересно, где сейчас Наталья Семеновна и Николай Алексеевич? Вспоминают ли о заместителе директора с «шоколадными шариками» на дели-

катес? Оставим их в покое, а то, чего доброго, снова заявятся. В этот раз подготавливаться мне будет некогда и все пойдет коту под хвост: от цирка отвернется администрация города, вновь повысятся налоги, снимутся льготы, отберут автобус, а поездка в Хаген превратится в несбыточную мечту.

*«Не допустить!»*

В Германии нужно показать только самое лучшее, то, что действительно считается мастерством. Попытаться завоевать симпатию зрителя и влюбить его в свой талант. Он должен как бы окунуться в цирковую жизнь, при этом оставаясь далеко за ее пределами. Мы и только мы должны отработать каждый номер, доведя его до совершенства и не творить ту халтуру, какую иногда показываем в детских садах или школах. Там ни у кого не должно быть отговорок вроде: «Живот болит», «В ухе стреляет», а также «Желудок свело» и «Мозги скрючило». Здесь ничего подобного не пройдет – останешься лишь на последнем месте, если там такая система счета.

*«Напомнить!»*

К тому же Жене нужно посоветовать сбросить пару лишних килограмм, да и Свете эта процедура не помешает. Ладно, Бог со Светой! Она только в жонглерах, эквilibре на цилиндре и еще каких-то танцульках-плясульках. Фоменкова же почти в каждом номере, а с ее весом не то, что вазу, пластический не сделаешь – столик сразу сломается!

*«Убедить!»*

Это мой первый и последний день, когда я сидел и раз-

мышлял не только о себе и новых фокусах, но и об артистах цирка, звездочках этого непростого искусства. Больше, как ни пытался, не мог вернуться к этой теме: то времени свободного не было, то постоянные непонятные звонки отвлекали, то друзья валили толпами, как на заседание Государственной Думы. По моему мнению, двадцать девятое мая – самый удачный из всех дней, так как я морально готовился ко всему худшему, даже если ничего плохого и не должно было произойти. Если бы я только мог все логично расставить и додуматься, что может произойти, то, конечно же, все сложилось бы не так. Ничего лишнего знать нельзя! Но на сей раз повезло. Только благодаря... Рано! Слишком рано Вам знать то, что случится в ближайшем времени, а для меня уже в прошлом.

## День десятый

Проснулся я настолько поздно, что времени хватило только на то, чтобы перекусить вчерашней стряпней. В цирк вовремя, конечно же, не попал – трамваи подвели (хорошо, что вообще добрался – забастовка у них там что ли). Хотел попросить Мишку подбросить до шатра, но того дома не оказалось. Сказали: «*На рыбе с Лешей*». Опоздал на двадцать минут. Хорошо, хоть с черного входа вошел да в гримерке переоделся – успел. Буквально минуты через три дверь открылась и вошла Любовь Васильевна.

– Ты здесь? А мы думали, не пришел. Что случилось? Все на манеже репетируют, а ты? Последнее официальное занятие как-никак.

Облегченно вздохнув, я откинул голову к спинке кресла и присидел так без движения несколько минут. Посмотрев в большое, на всю стену, зеркало, я провел по его краю рукой, вспоминая прошлое. Интересно было бы знать, куда подевалась Корабовкина. Почему ушла?

Встав, осмотрел комнату, которую в этом году видел почти что впервые, не считая того одного-единственного раза, когда прятался от буйной каратистки Светы и не менее опасной Ани. Тогда мне не довелось подобающим образом осмотреться и найти изменения. Пока время разрешало, я сделал это сейчас. Перестановок особо не было, разве что убрали пару больших и никому не нужных ящичков, которые лишь захламляли гримерную и мешали пробраться к более нужным вещам. Любовь Васильевна когда-то на днях говорила, что в эту комнату они заходили редко. Во-первых, других хоть отбавляй, а во-вторых, где-то в глубине души все же надеялись на мое возвращение, и оно не заставило долго ждать.

Еще раз обведя глазами знакомые коробки с теми же самыми этикетками и полуразвалившийся диван, располагавшийся напротив окна, я, закрыв глаза, вздохнул и вышел в коридор. Здесь, как всегда, не хватало пары-тройки ламп дневного освещения, но зато стало не так грязно и много

теплее. У противоположной двери, если артисты не поменяли комнатки, не стояло ни одной коробки. Неужели Иннокентий, которого я так хорошо знал, как мне кажется, стал меняться в лучшую сторону? Не может быть. Он, наверно, ждет более подходящего случая, намереваясь сотворить какое-нибудь грандиозное шоу с вовлечением в него некоторых девчонок. Я бы даже посоветовал, над какими проводить эксперименты, если, конечно, случай представится. Что ж, пожелаем ему удачи и надеемся в скором времени увидеть его задумки в реальной жизни. Этот мальчик без дела сидеть не может. У него прямо руки чешутся на всякие крупномасштабные затеи. Его хлебом не корми, дай только в кого-нибудь из катапульты яйцами пострелять!

Манеж был освещен многочисленными прожекторами, а на нем проводили свое последнее занятие в уходящем цирковом году девчонки и мальчишки. Толпа оказалась настолько огромной, что некоторым не хватило места, но они не отчаивались и перебрались за бортик круга – поближе к зрительному залу. В этот час, он, как и подобает, был пуст. Только в одной его части сидело шесть ребят с Кешей – видимо, репризу новую разучивали. А почему бы и нет? Подумаешь, на каникулы уходят! Что из этого? Летом отдых для всего организма, но одной-двумя пантомимами праздник не испортишь, да и друзьям-соседям можно будет посмеяться вместе.

В центре, как всегда, Фоменкова с Конарейкиной – их любимое место. Разучивая новые трюки в дуэте акробатов,

они мало-помалу оттесняли от себя всех остальных, а те вообще не сопротивлялись и не высказывали свое недовольство. Это и понятно! Не дай Бог Женя ногой в нос – все, ты в нокадауне! У нее не заржавеет.

Аня, Света, Ксения и Вероника «толкались» своей компанией, разбрасывая во все стороны мячи, булавы и кольца. У Колошиной получалось лучше всех, но и остальные не отставали в мастерстве. Самой проворной из четверки была Анюта (как ее ласково называли подружки). Девочка ловила мячи даже в тех позициях, когда они казались безнадежно пропущенными. За феноменальную ловкость брат Веры в шутку, конечно же, называл ее «Аня – длинная рука!»

Чуть-чуть левее от них, рядом со столиком руководителей, расположились две Оли (Подчечуйкина и Микробывая соответственно). Они, в отличие от квартета профессионалов, только-только освоили все приемы с тремя мячами и перебрались к кольцам. Чудо свершилось! Я даже не мог прогнозировать, когда они освоят и это ремесло – слишком уж долго перебирались на вторую ступень жонглирования.

Сразу же за Женей с Настей по лестнице лазил Вячеслав. Радовало то, что в этот раз подпиливать ее никто не собирался. Каким был настырным мальчишкой, таким и остался. Вот скажите мне, почему он все время приставал к Фоменковой? Других разве нет? Да она его как пнет, тот со своей лестницей в зрительный зал улетит. Не советовал бы я ему дергать ее за косички – сразу придавит, моментально. С

этой девчонкой только Иннокентий умел разговаривать, ну и я еще, если было о чем говорить.

В метре – двух от меня, а следовательно, от входа за кулисы – Древний и Продвинутый тренировались с булавами, сделанными из пластиковых бутылок.

Репетиция шла полным ходом, и в этот день каждый старался приложить максимум усилий для того, чтобы овладеть выбранным жанром. Но что можно сделать за полчаса до ее окончания? Практически ничего. Время неумолимо двигалось вперед, и Любви Васильевне все же пришлось собрать детей на манеже, призвать к порядку и добиться полной тишины. Женщина знала – за лето многие не вернуться в коллектив, но это обстоятельство ее не особо волновало: у нее были мы – базовый состав цирка.

– Сегодня последнее занятие, – говорила она. – Надеюсь, в сентябре мы со всеми увидимся вновь и создадим новую оригинальную программу. У меня уже сейчас есть некоторые задумки, но для их воплощения в жизнь нужны вы! Все вы! Я надеюсь, что никто не бросит цирк и пойдет с ним по жизни дальше, как это делаем мы! На сегодня занятие окончено! До сентября!

Все сразу оживились, зашуршали пакетами, сумками и стали собираться. Остались лишь только те, кто был готов к поездке. Они сидели, переговариваясь друг с другом, и даже никуда не спешили уходить, как это обычно бывало после репетиций. Когда удалились все не участвующие в предстоя-

щем выступлении, Любовь Васильевна осмотрела детей, по-видимому, вспоминая то, что происходило с ними ранее: их неудачи и победы, пропущенные выступления и многодневные гастроли. Годы пролетели за одну секунду! Вся их жизнь протекла здесь и сейчас женщина думала об их первом появлении, когда они приходили совсем маленькими и ничего не умели.

– Вы, наверное, знаете, для чего я вас попросила задержаться. Речь пойдет о гастролях в Хагене. Так как все согласны на поездку, еще раз переназначим день занятий, по которым вы будете приходить, чтобы усовершенствовать свое мастерство, ведь там должно пойти самое лучшее. Остановимся на настоящих репетициях, то есть вторник, четверг и суббота, но ко всему прочему добавим еще и воскресенье. Время проведения занятий с девяти до шести часов, в зависимости от сложности номера.

Она сделала паузу.

– Подготовку начнем со вторника, а пока можете отдыхать. Все сведения и более подробную информацию получите в первый день. Пока это все, что я хотела вам сообщить. Увидимся четвертого июня!

Наступила очередь расходиться по домам и нам. Я, не спеша направился к своей гримерке, обдумывая то, чему я должен научиться за столь короткий срок. Проходя мимо полуоткрытой двери комнаты директора, я услышал голос Сергея Дмитриевича – он ушел сюда минуты две-три назад, когда

услышал, что звонит телефон.

– Кто? Наталья Сергеевна? Вы не ошиблись номером? Да... цирк. Хотите прийти? Когда... Недели через три? Вы в Париже... Позвольте спросить, какое отношение вы к нам имеете? ... ревизоры... Конечно-конечно, можете приходите в любое время. Ждем!

У меня больно ёкнуло сердце. «Сглазил, блин!» всю дорогу домой меня преследовали неприятные мысли и черные соображения по этому поводу. Я понимал, что все рухнет. Вся построенная мной пирамида рассыпается на глазах. Нужен ответный ход – быстрый и четкий, который изменил бы ближайшее будущее.

Войдя в квартиру, я от злости и обиды зашвырнул свой пакет за шкаф, который так в последствии и не нашел; разломал «нечаянно» полку с ботинками и, включив музыку, поудобнее устроился на диване, собираясь отвлечься и расслабиться.

Телефонный звонок прервал все мечты. В тот момент я был готов его выбросить.

– Это Любовь Васильевна! Я забыла сказать тебе на репетиции, чтобы ты во вторник пришел с Сашей. Возможно, в Хагене помимо гимнастики на трапециях будет шест. Сообщишь ему?

– Конечно.

– Удачи!

«Макар» помрет от радости, когда узнает о своем неви-

данном счастье. Вот что значит быть в цирке, жить цирком, дышать цирком...

Вновь звонок.

*«Боже, когда это все закончится?»*

– Алло.

Тишина как в подземелье. Наконец через секунду на другом конце линии кто-то громко кашлянул, отчего у меня стрельнуло в ухе, и девичий голос произнес:

– Позовите, пожалуйста, Игната!

– Да, я слушаю.

– Привет! Чем занят?

В голове пронесся поток возможных ответов, и я остановился на одном, более или менее правдоподобном.

– Стихи учу.

С чего бы мне учить стихи? Ну да ладно.

– А зачем?

– Так... для общего развития.

– Ах ты просвещенный наш...

*«Откуда ко мне занесло такую мымру? Кто она вообще такая? Что нужно? Может, безенка по телефону – хлеба просить будет?»*

– Давай встретимся!

*«Вот! Я знал, что это безенка! Нутром просто чуял».*

– Пожалуйста. Где?

– У магазина «Исай». В субботу. Устраивает?

Закрыв ладонью трубку, я отсмеялся в сторону и продол-

жил:

- Вполне.
- В пять!
- Хорошо.
- Тогда пока!
- Ага.

*«Что за народ пошел? Никогда не дадут спокойно провести выходные дни в свое удовольствие. Обязательно кому-то нужно позвонить и испортить весь день. Ладно, схожу, посмотрю на нее. Хлеба только нужно взять побольше! Вдруг не одна придет.*

*Значит, до субботы...»*

Гармония... Все должно гармонировать друг с другом. Все должны гордиться тем, что занимаются в цирке! Такое искусство должно жить вечно!

Цирк считается уникальным, и не потому, что в городе подобного нет, а из-за того, что простые дети: мальчики и девочки – добиваются всего, если ставят перед собой такую цель. Главное желание!

Некоторые участники могут даже конкурировать с более взрослыми и опытными артистами... В руках детей все!

С прискорбием хочу сообщить, что операция «Вихрь-антиревизор-два» начинается!

Посмотрев наконец на озарившееся лучами солнца небо, а потом на будильник, Евграфий Порфирьевич понял, что опоздал. Так и не найдя времени сомкнуть глаза, мужчина с трудом доехал до больницы и, поднявшись к себе, запер дверь, рухнув на кушетку практически без признаков жизни.

Бурлящий рабочий день пролетел мимо незамеченным. Приходивший следователь наткнулся на глухую закрытую дверь и, прождав несколько часов, удалился ни с чем. Надо-едавший телефон пришлось отключить, а мобильный оставить в выключенном состоянии вплоть до самого выхода из больницы. Мимо регистрационного стола Евграфий Порфирьевич пробирался тайно, словно разведчик, пытающийся оставить гестапо после сотворенной диверсии. Никто не видел, как заведующий покинул место работы, сел в автомобиль и направил его в сторону своего дома.

В дверях квартиры уже торчала сложенная в несколько раз записка. Развернув ее, Евграфий нахмурился и тяжело задышал.

*«Здравствуйте, Евграфий Порфирьевич» Целый день не мог застать вас ни на работе, ни дома. Что ж, вы занятой человек. Еще раз взываю к вашему благоразумию. По крайней мере два человека отчетливо видели и могут дать показания, что именно вы забрали дневник Игната Андреевича из больницы и увезли его, как предполагается, домой. Не обманывайте нас! Отдайте его на время следствия, а потом*

*можете читать его сколько угодно!»*

*«Лиза и Аглая в очередной раз подставили меня. Что ж, все играет не в их пользу. Придет время и им не помогут ни слезу, ни уговоры, ни мольбы. Недоученная практикантка и пенсионерка... Вряд ли после моих характеристик их смогут взять на какую-либо другую работу».*

Мужчина смял письмо, не поленился спуститься к мусоропроводу и с облегчением отправил его в полет до первого этажа по зловонно пахнущей трубе. Сморщив нос и чихнув от витающего вокруг этого места «аромата», Евграфий вернулся в квартиру.

Заварив кофе, он несколько раз пытался начать его пить, но так и не смог сделать ни одного глотка из-за проносящихся в голове мыслей. Взявшись за голову, мужчина достал с кухонного ящичка бутылку коньяка и, налив, сел в кресло-качалку.